

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

A large wooden cross stands on the left, and a street lamp with a globe-shaped light fixture stands on the right. The background is a sunset sky with orange and yellow hues, and dark silhouettes of trees and a horizon line at the bottom.

Павел Михель

Мир, который не вернуть
Том 3: Год Второй

Павел Михель

**Мир, который не вернуть.
Том 3: Год Второй**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Михель П. О.

Мир, который не вернуть. Том 3: Год Второй / П. О. Михель —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Главный герой - подросток, который был резко брошен в опасный новый мир. То, что он приобрёл, оказалось бесполезным - он потерял всё... Или ещё нет? Может он сможет найти что-то ещё, чтобы зацепиться? Содержит нецензурную брань.

Содержание

День 445-447	6
День 555-557	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Павел Михель
Мир, который не вернуть.
Том 3: Год Второй

Посвящаю всему человеческому роду.

*Только потеряв – мы начнём ценить,
только опоздав – учимся спешить,
только не любив – можно отпустить,
только видя смерть – научиться жить.*

День 445-447

— Эй... ты как? – вошёл робко мальчик, лет одиннадцати. Он тихонько прикрыл за собой дверь и, пройдя мимо зеркала на шкафу, сел рядом с другим мальчиком, помладше, который лежал лицом к стене. – Кость...

Старший мальчик тронул младшего за плечо, но тот никак не отреагировал.

– Мама волнуется... Хочешь... хочешь я тебе анекдот расскажу? – спросил он. В ответ было лишь глухое молчание. – Слушай, как-то собрался новый борувенянин в Грим. Едет, едет... – мальчик внезапно замолчал, и удручённо продолжил: – Едет... Блин, дальше не помню. Мне ведь вчера Женька рассказывал...

Старший мальчик всё говорил. Но другому мальчику на это было всё равно – казалось, что весь мир потерял ценность для него. Неинтересны ему были ни рассказы своего брата, ни что-либо ещё. Он даже не слышал этого.

– Ну, Костя... – старший мальчик тихо подошёл и потряс брата за плечо, перевернул – мальчик даже не сопротивлялся. В его глазах стояли наполовину высохшие слёзы, а на подушке был небольшой влажный кружок. – Я понимаю... он ведь... он...

И у старшего мальчика тоже полились слёзы.

– И мама... она тоже плачет... и бабушка... все! Всем грустно, понимаешь? – говорил, пытаясь сдерживаться от того, чтобы не разреветься, старший мальчик. – И мне. Я... я понимаю, что и тебе тоже... Но ты не один, и маме... мы сейчас нужны. Особенно сейчас. Пожалуйста...

Лежащий мальчик медленно перевёл взгляд с потолка на своего брата и уставился, выпуская новые слёзы.

– Ты меня слышишь? Слышишь ведь, да? – спросил старший мальчик. Младший кивнул и тихо привстал. – Пойдём. Там все, в зале.

Младший мальчик молча, с помощью своего брата, встал, и они медленно пошли из комнаты. В глазах младшего, казалось, был какой-то туман, а красные припухлости вокруг них говорили о том, что он недавно сильно плакал.

– Костечка... – темноволосая женщина, что стояла до этого посреди зала, кинулась и обняла младшего мальчика, прижимая к себе покрепче, как бы пытаясь найти в нём всю ту силу, что необходима была ей самой сейчас. По её щекам протянулись две тоненькие влажные нити. Мальчик в ответ слабо приобнял её.

За столом, у окна, молча сидела бабушка и наблюдала. Она не плакала, нет. Но ей тоже было очень больно. Эта потеря оказалась таким ударом, который её материнское сердце отказывалось принимать – поэтому она до сих пор не могла поверить в происходящее. А какая мать смогла бы? Вот ты родила ребёнка, он в школу пошёл, а вот привёл к тебе знакомиться свою девушку, с которой позже не сложилось, вот уже и свадьба с «той самой», внуки – кажется, будто всё будет хорошо, и умрёшь счастливой бабушкой, но... вот ты целуешь его мёртвого, в гробу. Сначала смерть мужа, когда сын был маленький совсем, но ведь нужно было дальше жить – работать, чтобы вдвоём протянуть. Да, сейчас страшнее потеря, но остались ведь внуки и невестка – разве их бросишь? Конечно, нет – нужно было жить дальше...

– Кость... скажи, хоть что-нибудь, – тихо попросила женщина. Мальчик молчал, и это вызвало новую волну рыданий. – Пожалуйста...

– Мам, он слышит... Он кивнул, – сказал старший.

Младший мальчик тихо отстранился и подошёл к столу. Он молча посмотрел на бабушку, а затем в окно: там голубое небо простиралось, казалось, далеко ввысь. Жаль только, окрестные дома стояли стенами вокруг, мешая ощутить всё это великолепие обычного дня.

– Правда, красиво? – спросила пожилая женщина тихо.

Мальчик кивнул.

– Всё-таки праздник Огня прошёл – природа заново оживает... жаль, что мы уже так не можем. У каждого свой срок – это лишь Богу решать.

– Зинаида Ивановна, ну что вы к нему... – проговорила мама мальчика.

Но ему, на самом деле, было всё равно. Перед его глазами, бесконечным повтором, стояли одни и те же образы: удар, крики, кто-то убегает...

К слову, этих парней поймали через несколько дней – всю группу нашли «под кайфом» в квартире одного из них.

– Почему он не говорит? – спросила мама, неизвестно у кого. И, спрятавшись в ладони, ушла в другую комнату: – Боже...

– Кость... – подошёл к нему брат. – Ну, скажи что-нибудь... Зачем ты маму изводишь?

Маленький мальчик обернулся медленно, словно во сне, и побрёл мимо брата, в свою комнату.

– Мне тоже больно, но я ведь... ты ведь не один! – сказал старший мальчик, догоняя его в проходе. – Костя!

* * *

Медленно открыл глаза, тщетно пытаясь задержать остатки сна.

«Что же там постоянно снится?..»

Перевернулся – внизу заскрипели пружины. Пошарил рукой, взял фонарик с пола, включил его и поставил рядом – крохотная комната осветилась слабым мягким светом.

«Что ты здесь забыл?» – спросил Голос.

Проигнорировал его и встал с кровати – тело объял слабый холод. Взял фонарик и вышел за дверь, в маленький коридор. Здесь, сквозь окна, уже проникал слабый утренний свет. Глянул на часы – «11:21». Спустился по лестнице вниз и зашёл в зал слева. Повсюду на полу валялся разный мусор. Глянул, на всякий случай направо – дверь в квартиру была плотно заставлена широким комодом. После этого прошёл на кухню и подошёл к одной из тумбочек, достал из одной пачку печенья, плотно закрытую. Сел за стол, открыл упаковку и принялся за завтрак.

Стены сверху, по углам, были с лёгкими подтёками, а обои наполовину уже отклеились. Кое-где ещё на тумбочках оставался тот слой пыли, который я застал, открыв квартиру, но за два дня более-менее постиралось.

«Когда ты поедешь дальше? – я молчал и кушал дальше. – Почему ты меня игнорируешь?»

Продолжал молчать, тихо жуя. Прошла минута, другая.

«Иди ты в жопу, ясно?» – и на этом Голос замолчал. Даже собственный голос в голове я взбесил...

От этого невольно улыбнулся, встал, захватив печенье, и подошёл к окну: по серому небу летела одинокая ворона. На земле небольшим слоем лежал снег. Возле дома была начатая стройка, но ей так и не суждено было когда-либо завершиться – время разрушит её до основания. За этой самой стройкой медленно шёл, пошатываясь, восставший. Он периодически останавливался и поднимал кверху голову – крикун. Значит, где-то рядом были ещё и бегуны, а, может, и охотники прячутся... Через несколько секунд из-за здания выбежали на четвереньках две фигуры. Они пробежали вперёд крикуна, потом вернулись назад, забежали за правую сторону дома – патрулируют. Нужно будет осторожно выходить. Отошёл от окна.

Сегодня нужно было, наконец, попасть на военную базу – на карте отметка была совсем рядом с этим городом.

«Зачем ты вообще туда идёшь? Ты действительно веришь, что кто-то мог остаться? Выжить? Если бы люди и выжили, то ты бы услышал сигнал, но, скажи мне, что ты слышишь на

просторах радиоволн, когда едешь в машине, кроме монотонного шума? Может, ты слышишь предложения помощи выжившим? Может, эфир заполнен людскими голосами и просьбами о помощи? М? Хоть что-нибудь? – Голос выждал несколько секунд, а затем продолжил: – Ничего ты не слышишь из этого. Только помехи – никого».

– Скажи, почему ты меня спас? Зачем? – тихо спросил я, уходя с кухни в комнату, где нужно было взять рюкзак. – Почему не дал мне умереть? Ты ведь сам говорил, что нужно сделать последнее дело, а сейчас отговариваешь – почему?!

Голос молчал. Ему нечего было сказать на это, потому что единственное, что ему нужно – это мучить меня. Всему миру это только и нужно. Но он был прав: осталось последнее дело, а потом – хоть потоп.

Подхватил рюкзак, повесил катану за левое плечо, проверил всё ли взял – нож был на месте, а пистолет лежал в рюкзаке, вместе с картой. Еды почти не брал – всё равно потом вернусь.

Плотно застегнул куртку, вышел из квартиры и прикрыл дверь. Осторожно прошёл по коридору, по привычке нажал на кнопку вызова лифта – всё уже давно безнадежно замерло, в ожидании своего конца. Вышел на улицу. Снег медленно падал, набирая слой за слоем. Из рта небольшим облаком вырывался пар. Я оставил машину в другом дворе, чтобы, если восставшие меня найдут, смог оторваться и уехать без проблем. Поэтому сейчас шёл по опустевшему двору – типичному, с потускневшей от времени детской площадкой по центру, окруженному серыми домами. Слева, пошатываясь, шёл восставший. Он двигался медленно – не заметил ещё меня, поэтому я прибавил шагу и решил обойти дом, чтобы добраться до машины.

До машины дошёл нормально, проверил дно – никого. Надо было проверить, а то мало ли – вдруг охотники спрятались. Осторожность не помешает. Если уж и умирать, то, хотя бы, человеком.

Открыл дверь, достал из нагрудного кармана ключи, сел в салон и завёл мотор, закрывая дверь. Внутри было холодно, а металл двери обжигал льдом, но вскоре тепло начало проникать в салон из-под капота, и заметно потеплело. Через несколько секунд вспомнил о том, что забыл убрать снег на корпусе – поэтому выключил зажигание, быстро вышел из машины и принялся руками сгребать вниз снег со стёкол. Кто-то мне говорил, что если этого не делать, то стекло может лопнуть.

Как только снежный слой был, более-менее, убран, сел обратно и снял мокрые перчатки, кинув их на соседнее место – руки жгло от холода. Теперь точно можно было ехать. Снова завёл мотор и начал быстро тереть ладони, чтобы их хоть как-то согреть. Из-за дома рядом вытянулась голова, а потом и тело – крикун. Он остановился на секунду, вслушиваясь, а затем быстро пошёл в мою сторону. Я отъехал назад, чтобы развернуться, а затем припал к рулю – его крик оглушающе бил по ушам. Когда поднял взгляд – он уже бился головой об лобовое стекло, а позади него, чуть дальше, к нам бежали трое бегунов. Я вжал педаль газа в пол, попутно сбивая одного из них – машину сильно трянуло, занесло в повороте, но я справился – затем выехал на главную дорогу и поехал прочь.

Небо было чистым. Серым, но чистым. Ничего не предвещало плохой погоды. До ближайшей базы ехать несколько часов. Я слушал, как гудит ветер, задуваемый в корпус, и рычал мотор, собирая на себя всё окружающее внимание, но пока едешь – это не страшно. Редкие восставшие только и успевали, что обернуться, как машина уже проезжала мимо. На пустынных дорогах то тут, то там встречались брошенные машины-одиночки. Кто-то бросал машины на обочине, а кто-то их оставлял посреди дороги. Возле одной такой, проезжая, заметил ссохшийся труп, облаченный в тёмную одежду и засыпанный снегом – это точно был охотник. Но проверять я, конечно же, не стал, а только проехал дальше.

Меня всё ещё волновал вопрос о том, где же все люди. Казалось бы, в стране больше ста миллионов людей, а за всё время этого ада встретил не больше нескольких сотен. Может даже тысячу, но не больше. Хотя, лучше бы и их не встречал...

«Ты сам виноват. Я тебя предупреждал».

– Заткнись, пожалуйста, – тихо сказал я, включил на удачу радио, которое встретило меня лишь монотонным шипением. Покрутил ручку – то же самое было везде. Эфир был мёртв, как и вся остальная цивилизация.

«А разве что-то бы поменялось от того, что услышал? Поехал бы, сломя голову, неизвестно куда? Не смей меня».

– Лучше уж что-то, чем ничего.

«Скажи это Кристине».

– Сука, – выдавил я, сквозь зубы.

«Это не я решил оставаться с группой зеков».

– Ты сам мне сказал, чтобы мы с ними остались!

«Тогда ещё я не знал, кто они такие. А ты, когда узнал, ещё неделю с ними оставался – а почему? Почему не сбежал?»

– Куда?! – не выдержал я. – В лес? Ночью? С маленькой девочкой зимой?! Там на много километров вокруг был лишь лес!

«Это не мои проблемы. Мог бы придумать, если бы захотел. А мог бы и прикончить их всех давно».

Я молчал. Голос знал, что ничего не отвечу. Ему это и не нужно было – этот разговор поднимается далеко не в первый раз. Каждый раз, когда закрываю глаза, вижу маленькие, застывшие от ужаса, зрачки и замёрзшие слёзы на мёртвых синих щеках.

Вскоре дома кончились, и только лес стоял стенами по бокам дороги. Остановился на обочине и достал потрёпанную, неаккуратно заклеенную по центру, карту, которая лежала на заднем сидении. Сверился с тем, где сейчас находился – нужно было по этой дороге ехать, вплоть до поворота на «Андреевку» – маленькую деревушку – потом на следующем повороте свернуть налево, на скрытую дорогу в лесу, и проехать несколько километров. После этого по полю, на развилке свернуть на небольшой поворот направо и ехать по лесу несколько километров – там и была на карте отметка «ВБ». Часы показывали «12:41». Как же быстро время идёт, когда за ним не следишь. Хотя, какая разница? Ничего не изменится от того, что буду торопиться – всё равно некуда. Вряд ли кто-то будет жив. Вряд ли найду хоть кого-то на этих базах. Сколько уже смотрел – ничего. Казалось бы, зачем тогда идти? Но должен попытаться, чтобы уйти свободным от долга. Перед концом мне нужно знать, что, хотя бы, попытаться.

Слева, за большим полем, виднелись небольшие домики. Кажется, будто всё так же, как и было, и тут уж непонятно – то ли я не знал как выглядел настоящий мир, то ли раньше было всё так плохо.

Апокалипсис как будто ничего не поменял: дома стоят так же, монументы, дворцы, магазины, вокзалы, автобусы, лодки в доках – только людей нет, всё пустое. И они, слово забытые инструменты в сарае, просто ждут своего часа и гниют. Правда, мастера уже никогда не придут.

В нужном месте я свернул. Из-за снега пришлось сбавить скорость, чтобы не пропустить поворот – еле его разглядел, и то лишь по промежутку в лесу. Конечно, завернув, остановился и ещё раз сверился с картой – вроде бы, это место. После этого медленно поехал вперёд – неизвестно, что могло бы быть под снегом. Нужно ехать аккуратнее.

Проехав небольшую лесополосу, выехал в поле, где снег полностью закрывал колёса. Хотя, нет, сугробы были даже немного больше, но, пока что, машина не встряла, и это было хорошо.

«Сейчас посреди поля буксовать начнёшь. Давай, встрянь ещё, просри тачку... Зря ты поехал сюда».

– Помолчи, не мешай, – я с силой сжимал руль, будто эта хватка как-то могла помочь. – Дай последнее дело сделать и сдохнуть спокойно. Узнаю, что они мертвы – и точка.

«А если найдёшь их – что дальше? Будешь и в этот раз притворяться, что всё хорошо пока они не умрут?»

– Нет. Если – повторяю, «если» – они и живы, то порадоюсь и уйду. Большого не нужно.

«Ну-ну, посмотрим... А точно не было другого пути? Или ты, как обычно, выбрал самый сложный?»

Медленная езда и так выводила меня, а сейчас вообще начал терять терпение.

– Не было! Это единственная ближайшая дорога, а в объезд ехать долго. И та дорога тоже через лес – не факт, что было бы лучше. Понятно?

Голос ничего не ответил, и я продолжил ехать в тишине. Лишь только снег скрипел, потираясь о корпус.

Только сейчас заметил, что небо стало голубым, и где-то вдалеке – там, где крыша не давала мне увидеть – светило солнце, и, отражаясь от снега, ослепляло. Сейчас всё поле было словно одно большое зеркало. Конечно, снежные шапки на деревьях выглядели красиво, но пробираться по такой дороге было тяжело.

Наконец, спустя минут пятнадцать, поле кончилось, и я снова въехал в густой лес. Как-то так получилось, что попал прямо к правильному въезду, если он тут был один. Ехать уже стало заметно легче, так как слой снега здесь был в два, если не в три, раза меньше из-за деревьев.

Проехав пару метров, заметил кое-что очень странное, а именно – следы. Но не хаотичные, неаккуратные, как у восставших, а чёткие, системные – человеческие. Совсем свежие.

– Неужели? – сказал я вслух и прибавил газу.

«Не надейся. Это могли быть и восставшие».

– Мёртвые таких не оставляют.

«Лучше будь готов к тому, что это, пусть и живые, но уже не люди».

– Знаю, – тихо ответил и быстро глянул на катану, что лежала на заднем сидении вместе с рюкзаком, в котором был ещё пистолет.

Следы через несколько минут слегка свернули вправо – в направлении военного лагеря для выживших.

«Может, это та самая возможность? Может, они там всё-таки? Эта самая ближняя точка к Номиру. Тем более, там ведь живые люди...»

И тут перед глазами пронеслись образы тюрьмы, где убивали людей ради развлечения, а живых держали лишь в качестве рабов. Пронеслась мерзкая наглая ухмылка на окровавленном лице Толика, перед тем как я выстрелил в него первый раз. Вспомнил и того бедолагу, в деревне, с дробовиком, и его дневник, куда он записал последние дни своей общины и то, как люди, сойдя сума от голода, убивали за еду, не щадя даже детей. Вспомнил и Старейшину, который скармливал людей восставшим. И даже дерзкая улыбка Максима, когда он решил нас предать – это было так давно, но уже в этой, новой жизни.

Но одновременно с этим вспомнил и Павлова – человека, без которого не смог бы прожить даже первые несколько дней, и который пожертвовал жизнью, чтобы спасти другого. Вспомнил Свету, которая тоже защищала меня, рискуя собой, и научила выживать. Вспомнил Кристину – девочку, которая заставила меня поверить в людей, но именно они же и отняли её у меня...

«Всё было так не однозначно, но, тем не менее, какая разница? Мне, если честно, было уже всё равно. Если захотят убить – буду только рад. Пусть убивают. Возможно, так будет только лучше. От меня у всех только проблемы – так зачем продолжать идти?»

В потоке мыслей не заметил, как лес оборвался, и впереди показался зелёный металлический забор, за которым скрывалось длинное, двухэтажное здание. Вроде бы, когда-то это

было санаторием. На втором этаже во многих окнах были разбиты стёкла – зачем кому-то это делать? Это точно не для развлечения – значит, тут точно что-то есть... или было.

Следы вели к воротам. Немного не доезжая до забора, остановился и заглушил двигатель. Меня уже должны были увидеть, если там не дураки сидят и выставили охрану. Хотя, будь они такими – выжили бы? Сомневаюсь. Но лучше было подготовиться – взял с собой пистолет, заранее заложив за пояс: всего пара секунд, и он будет в руках. Тем более, он хорошо скрывался за длинной зимней курткой. А катану оставил внутри – сейчас она бы только мешалась.

Развернул машину в сторону леса, заглушил мотор и достал ключи, вышел на улицу. Шёл совсем слабый снегопад, светило солнце. На голых ветках деревьев, чуть дальше от базы, сидела пара ворон, о чём-то каркая.

«Я уверен, что это ловушка», – сказал Голос.

– Это очевидно, но разве у нас есть выбор? – улыбнувшись, сказал я, выдыхая при этом небольшое облако пара, которое через мгновение остыло и растворилось. Меня немного раздраило от волнения и надежды. Надежды на окончание: кошмара или жизни.

Обошёл машину и приблизился к забору – слегка проржавевший замок, который замыкал небольшую металлическую цепь создавал ощущение, что здесь никого нет.

Сквозь щели можно было увидеть небольшую площадку, которая внутри была огорожена сеткой – там тоже остались следы. Сомнений не оставалось – здесь точно кто-то есть. Но, пока что, никого не видел.

Подпрыгнул, чтобы зацепиться – холодный металл неприятно обжигал кожу. А затем перелез и спрыгнул вниз.

Подышал на руки и потёр их, чтобы разогреть. Забыл перчатки – ерунда. Потом заберу.

Впереди был ещё один вход, огороженный с двух сторон. Там-то и были следы. Получается, то, где я был – это въезд или что-то вроде того. И только сейчас понял, что следы шли дальше, обходя забор, а я, зачем-то, его перелез. Впрочем, это уже было неважно.

Прошёл дальше и попутно расстегнул защёлку на чехле ножа – мало ли, что может случиться. Восставшие могут быть где угодно. Особенно сейчас, зимой, когда охотники с лёгкостью могут спрятаться в снегу, который громко хрустел под ногами.

Главный вход, как и думал, был огорожен. Подходящие дорожки к нему были убраны от снега: кто-то явно здесь живёт, и не один.

Пошёл в обратную сторону, чтобы обойти здание – должен быть запасной вход. Их оказалось два. И оба были закрыты. Побродил немного вокруг здания, пытаясь найти ещё что-нибудь, и тут на глаза попало разбитое окно на первом этаже, с левой стороны от главного входа. Снял куртку и перекинул её через раму, кое-как взобрался. После этого аккуратно забрал куртку, осмотрел – вроде бы нигде не порвалась. Только осталась небольшая полоска внизу: маленький порез на внутреннем мехе – ничего страшного. Надел куртку и осмотрел комнату: слева и справа было по разодранному дивану, из обоих торчали пружины, а у стены стоял деревянный маленький комод с отломанной дверцей. Стены в некоторых местах почернели от сырости. Пошёл дальше и вышел в узкий коридор, в который выходило много комнат – у некоторых не было дверей. Решил идти влево, попутно аккуратно заглядывая в двери: пусто, никого, открытый шкаф с голыми вешалками, постер с голой девушкой над кроватью – ничего интересного. Меня только смутила одна вещь: было много кроватей – точнее, от всех остался лишь каркас, а матрасов нет, будто, давно унесли – если здесь кто-то и живёт, то где?

Шёл медленно, аккуратно наступая, чтобы не создавать лишнего шума, но холодный бетон всё равно шуршал при каждом шаге. Кое-где в стенах были дырки от пуль, и иногда встречались пятна крови. Хоть ещё и было светло – всё равно чувствовалась пустота и заброшенность. Будто со времени начала этого дурдома прошло уже лет десять, а то и больше.

Продвигался всё дальше и дальше. Коридор иногда петлял, открывая разные служебные комнатки и туалеты, из которых чудовищно воняло. И, в самом конце, дверь вывела меня на небольшую площадку, где лестница вела на верхний и нижний этажи.

«Иди вниз. Наверху ничего не будет», – посоветовал Голос.

– Откуда ты знаешь? – еле слышно, шепнул я.

«Ниоткуда. Просто подумай сам: там выбиты окна – значит, холодно, и никто жить не станет. Тем более, в подвале всегда теплее, и там легче спрятаться».

Посмотрел на лестницу, которая вела вниз, скрываясь во тьме, а затем вверх: в любом случае придётся всё проверить.

Посмотрел на часы – около двух:

«По крайней мере, у меня в запасе минимум два часа, чтобы потом отсюда нормально выбраться».

Достал фонарик, пустил небольшой кружок вниз и пошёл следом. Свет выхватывал в темноте облики коробок, стульев, металлических трубок и прочего мусора. В самом низу лестница кончалась металлической дверью. Опустил ручку – открыто. Зашёл внутрь.

Здесь стоял спёртый воздух, но было теплее. Намного теплее. В воздухе стоял запах сырости и ещё чего-то тёплого. Будто кто-то готовил совсем недавно, но непонятно что.

«Не нравится мне это, но, думаю, ты уже близко», – сказал Голос. Его слова ничего нового не открыли – я и сам это уже понял.

Вслушался: слышно было, как в ушах отдаётся стук сердца. Оно билось быстро, а на ладонях от волнения выступил пот. Достал нож и пошёл вперёд, аккуратно наступая. Приходилось светить, иначе ничего не было видно – стояла крошечная тьма.

Слева была деревянная дверь, которая уже почернела по краям. Аккуратно взялся за ручку, и, стараясь меньше шуметь, открыл её – она предательски скрипнула, и я сразу же спрятался за стену. Аккуратно выглянул, быстро посветил – пусто. Даже крыс не было. Пошёл дальше. На полу стояли металлические ящики – внутри лежала грязная одежда. Дно у этих ящиков прогнило. Чуть дальше была ещё одна дверь, но уже слегка приоткрытая.

«Это ловушка», – сказал Голос.

– И дураку понятно, – еле слышно сказал я. Мои слова больше напоминали ветер, чем речь.

И так было понятно, что это ловушка, но, если не проверить, на меня могут напасть сзади. Не буду же я уходить отсюда, пройдя столько всего. Выбора не было. Прошёл к проходу и быстро открыв дверь, чтобы неожиданно напасть, шагнул внутрь, но комната оказалась пустой. И тут позади послышался шелест, и не успел я обернуться, как почувствовал у шеи что-то холодное и тонкое – острие ножа. Попытался ударить назад, наугад, но человек позади плотно прижался ко мне, у нас завязалась борьба, и вскоре он ударил меня о стену, а мой нож выпал из рук. В голове гудело, и, пока я ничего не понимал, он поднял меня на ноги. Было тяжело стоять, но вновь приставленный к горлу нож не давал упасть. Упавший позади меня на пол фонарик светил в стену, впереди меня. За моей спиной высилась зловещая тень.

– Шевельнёшься – зарежу как свинью, – сказал неизвестный за спиной. Он говорил тихо, холодно, и старался делать это прямо в ухо.

– В смысле? – спросил я.

– Перережу тебе горло и оставлю захлёбываться собственной кровью. Будешь потом Создателя молиться. – пояснил он медленно, будто наслаждался своими словами. – Так, кто ты?

Я тяжело сглотнул, а затем попытался медленно потянуть руку к поясу, чтобы неизвестный ничего не заметил.

– А, а, а, – быстро сказал незнакомец, и быстрым ловким движением откинул мой пистолет в сторону. Металл жалко брякнул где-то в темноте. – Не так быстро. Сначала на мои вопросы ответь.

Мужчина говорил тихо и быстро, словно шипела извивающаяся ядовитая змея.

– Кто ты? Зачем сюда пришёл? – повторил он так, будто не мог вытерпеть моего молчания. – Ну? Отвечай... отвечай.

– Послушай, – начал я, как можно доброжелательнее, – я просто путешествую, ок? Я не хочу неприятностей. Я просто пытаюсь выжить, путешествую по стране, и тут забрёл сюда. Случайно, – я попытался выдавить из себя смешок, но вышло как-то неубедительно.

– Знаем мы таких. Где? Где они? Где твои дружки? Я же знаю. Знаю... Где вы встретитесь? – быстро выдавил он повелительным тоном. Я потерял контроль над собой.

– Я... я не понимаю! Ты о чём вообще?

– Отвечай, иначе они найдут здесь только труп. Твой. А потом свою смерть, – он усиленнее прижал нож к коже, и что-то тёплое каплей пронеслось по горлу. Он зачем-то пошевелил мои волосы. – Странно. Вроде не похож. Но всё равно.

– Послушай, я честно не знаю! Я говорю правду! Я один. Приехал на машине. Она там, у забора стоит, – человек позади меня быстро убрал нож и толкнул меня вперёд, а затем послышался механический щелчок затвора. Он отошёл, держа меня на прицеле.

– Посмотрим... Снимаю рюкзак! – скомандовал он.

– Послушай, просто отпусти меня, ладно? Я действительно не понимаю, о чём ты, – я попытался заговорить его. Хотя, конечно, и не врал – я ведь действительно не понимал, о чём он. – Давай мирно разойдёмся. Обещаю, что больше никогда меня не увидишь. Я один, больше никого нет.

– Рюкзак, – он был неприступен. Я послушно снял почти пустой рюкзак и бросил его в сторону к нему. Кружок света дрогнул, а затем и вовсе исчез, лишь изредка мелькая.

– Ну? – спросил я. Понятия не имею, что он мог там найти. – Пожалуйста, давай просто разойдёмся. Я действительно не тот, за кого ты меня принял.

– Так... так-так... Что это? – спросил он. Послышался шелест страниц. Это была карта. Он подошёл ближе, и я чуть ли не ощущал его дыхание на себе. – Что это?!

– Карта, – ответил я.

– Я, блять, вижу, что не журнал с наклейками! Что это за отметки? Почему эта база здесь отмечена? Откуда она у тебя?! – незнакомец задавал один за другим вопросы так быстро, что не было времени даже вставить хоть слово.

«Попал ты. Лучше бы тебе его прикончить и бежать отсюда, пока его дружки не подошли», – сказал Голос. Но я не собирался его убивать. По крайней мере, сейчас.

– Я её нашёл.

– Где?

– На одной из баз. Послушай, это какая-то ошибка. Недопонимание. Отпусти меня, пожалуйста. Ты больше меня никогда не увидишь – обещаю, – сказал я, пытаюсь обернуться к нему.

– Стой ровно, – с жаром сказал он, отходя. Я продолжал поворачиваться, но он крикнул: – Я сказал: «ровно»... Эй, СЮДА!

«Давай. Нож под ногами. Один выпад, точный удар, немного везения, и через несколько минут ты будешь ехать отсюда».

Я так не мог – нет. Убивать направо и налево нельзя. Если хотят – пусть убивают меня сами. Мне этот мир уже надоел.

Вдали слышались шаги, звук которых быстро приближался к нам. Я всё так же стоял у стены, подняв руки, а через секунду ещё один человек зашёл в комнату. Снова стена напротив меня осветилась.

– Смотри, что я у него нашёл, – сказал знакомый голос за спиной.

– Кто это? Ты узнал? Он один из «них»? – спросил второй голос, более лёгкий. И он мне показался знакомым.

– Не знаю. Говорит, что случайно здесь.

– В прошлый раз то же самое говорили. А потом, сука, десять наших полегло, – с тяжестью сказал второй.

– Я о том же. А он всё равно заливает. Вообще, я хотел грохнуть его сразу, но он же малой совсем.

– Это... это карта?

– Да, там наша база, другие – все. И ещё что-то, но я не понимаю, – позади снова послышался шелест бумаги. – Вот, смотри. И здесь.

– Да, я вижу... Откуда это у тебя? – спросил второй человек громче, видимо, обращаясь ко мне. До этого я молча слушал их разговор.

– Я же говорил, что нашёл. Отпустите меня, пожалуйста. Вы меня перепутали с кем-то. Прошу, – протянул я, пытаюсь сделать это как можно жалобнее. Нужно было сыграть на их жалости. Раз считают меня ребёнком – стоило их в этом лучше убедить.

– Стой... твой голос. Знакомый какой-то, – тихо сказал второй, а затем добавил громко: – Ну-ка повернись, только медленно. И чтобы я руки твои видел поднятыми.

Медленно повернулся, держа руки над собой, и щурился от света, который бил прямо в лицо. Напротив меня стояло два силуэта.

– Нет... – тихо сказал человек справа. – Не может быть... Костя?

– Да-а, – неуверенно протянул я. А после этого второй человек кинулся ко мне, я приготовился к контратаке, но он неожиданного обнял меня и крепко прижал к себе.

– Реально? Это ты? – говорил он.

– Да... а ты кто? – спросил я.

– Как же... ты родного брата не узнаёшь? – спросил высокий человек, и слегка отпрянул от меня. Я заглянул ему в лицо. На меня смотрело заросшее густой щетиной грубое лицо, с большим шрамом на щеке. Эти карие глаза, которые будто проникают вглубь души, я не забуду никогда и узнаю из миллиона.

– Паша?..

– Да, – кивнул он, а затем снова обнял меня и тихо добавил: – Боже, неужели...

– Нифига себе... – проговорил неизвестный.

Я не знал, что мне делать. Что-то, а вот к такому повороту судьбы я оказался не готов. Конечно, в этом и был весь смысл, но, если быть честным, то шёл сюда лишь для галочки, и давно уже не надеялся, что кто-то будет жив. Но, всё-таки, это был не сон. Или...

– Ай, – вырвалось у меня.

– Ты чего? – спросил Паша, выпуская меня из крепких объятий.

– Всё-таки, не сон, – улыбнулся я, и ноги подогнулись. – Значит, правда...

– Что это с ним? – спросил неизвестный мне мужчина, подбегая и хватая меня.

– Не знаю... Никит, помоги-ка мне... сейчас... – сказал Паша.

– Куда его?

– Внутри. Видишь, он фигово себя чувствует...

Меня вытянули в коридор, и мы двинулись вглубь. Что-то вдалеке гудело.

– Отпусти... – сказал я, почувствовав уверенность в ногах.

– Чего ты там говоришь? Пойдём, отдохнёшь, – сказал Паша.

– Я сам смогу. Мне уже лучше, – сказал я. Обе руки меня отпустили. Всё ещё слегка покачивало, но шёл сам.

Мы всё больше углублялись. Казалось, этим коридорам нет конца.

– Как ты здесь оказался вообще? – спросил Паша.

– Я? – повторил я, не зная, что ответить. И решил сказать, что первое в голову пришло: – Это очень длинная история. Поверь.

– У нас всех здесь длинная история, – мрачно подметил Никита. В слабом свете я рассмотрел у него длинные волосы и неухоженную бородку, но самому ему не дал бы и тридцати. Хотя, в темноте всегда всё кажется не тем, что есть на самом деле.

Возникло неловкое молчание.

– Паша, – начал я, вспомнив о самом главном, – мама ведь тоже здесь, да?

Паша ответил не сразу.

– Давай... – сказал он, и снова сделал паузу. Мы остановились напротив металлической двери. – Давай позже. Ты сейчас отдохнёшь, а потом мы поговорим. Я отвечу на твои вопросы, но ты ответишь на мои. Идёт?

– Идёт, – протянул я. Не нравился мне его ответ.

«Да мёртвая она давно. Мы ведь оба это знаем», – сказал Голос. Я проигнорировал его.

– А ты один, да? – спросил меня Паша. Всё это время Никита молча стоял рядом, смотря куда-то в темноту. На нём была чёрная тонкая, но плотная тканевая куртка и тёмные кожаные перчатки.

– Да.

– Тогда, – выдавил Паша из себя улыбку, – добро пожаловать домой. С возвращением, – добавил он, открывая дверь. Мы вошли в комнату.

Внутри горело мягкое совсем лёгкое освещение и, в целом, стоял полусумрак, но всё было видно нормально. Никита выключил фонарик, оставив его на столике у двери, и прошёл вперёд.

– Пойду остальным скажу, – сказал он, и скрылся в темноте коридора.

Дальше, до самого прохода, который разветвлялся в две противоположные стороны, стояло два протёртых дивана, а возле них – деревянный столик. У стены напротив, в конце, был отдельный проход влево, а до него шли высокие столики, возле которых хаотично, словно грибы, обитали барные высокие стулья. Посередине комнаты лежал, давно почерневший, ковёр. По краям ещё можно было различить красные с белым узоры. На столике у дивана были собраны, стопкой, журналы и кучи кружек. На столах напротив стояли тарелки, кастрюли, и прочая кухонная утварь.

– Сейчас остальные подойдут. Присядь пока, – сказал Паша, скрываясь в левой комнатке.

– Остальные? И много вас? – спросил я, усаживаясь на диван.

– Когда-то было много. Осталось четверо, – Паша показался с бутылкой в руках. – Пить хочешь?

Я взял небольшую бутылку и жадно присосался. До этого не ощущал жажду, но сейчас, казалось, не пил ничего неделю.

– Спасибо, – сказал я, отдавая воду обратно. Осталось меньше половины литра. – Ты сказал, вас четверо осталось? Включая тебя?

Паша присел рядом, оставив бутылку на столе.

– Да. Как и сказал: раньше нас было больше.

– Раньше везде людей больше было, – устало сказал я.

– И то верно.

– А почему?

– Ну, – начал Паша, – причина одна: люди. Доверились не тем. Я... Прости, не хочу сейчас об этом, ладно? Только что встретил брата, которого давно уже считал мёртвым и... блин, не об этом хочу сейчас говорить.

– Понимаю, – улыбнулся я. Из коридора показался Никита, а за ним вышли две девушки. Одна была примерно моего роста, а другая – ниже где-то на полголовы. Первая будто свети-лась изнутри, за неё говорила и улыбка, и светлые волосы, и довольно опрятная (по меркам

апокалипсиса) одежда, и даже какая-то мягкость в движении. Другая же девушка выглядела противоположно. Не мрачной, а, скорее, сосредоточенной. Тёмные волосы и твёрдый взгляд выдавали в ней характер. Даже невысокий рост как-то увеличивал ощущение опасности от неё. И одновременно с этим её лицо казалось мне знакомым. Но их объединяло одно: обе смотрели на меня, будто я какое-то чудо света.

– Представишь нам гостя? – спросила светловолосая девушка. Другая смотрела на меня с подозрением.

Паша подскочил при их виде.

– Сегодня у нас знаменательный день, – начал он. – Это мой брат: Костя. Тот самый, который, как я думал, давно умер! А он появился сегодня сам сюда, живой, невредимый! Представляете? Женя, – обратился он к светловолосой девушке, – я много раз тебе о нём рассказывал.

– Да, я помню. Никита нам сейчас немного обрисовал ситуацию.

– И тебя тоже? – спросил Паша у второй девушки. Та кивнула.

– А вы его проверили? – сказала серьёзно она и шагнула в мою сторону.

– Кэт, подожди – чего ты так набрасываешься? Дай отдохнуть хоть пару минут человеку, – сказала Женя.

Вторая девушка резко развернулась и уставилась прямо на Женю.

– Ты уже забыла, сколько мы похоронили в прошлый раз? А до него? – выпалила она. – Я не забыла. И могу напомнить, если надо. Тогда было точно так же.

– Нельзя же так! Это Пашин брат! – ответила Женя, тоже перейдя на серьёзный тон.

Паша резко вклинился между ними, плавно раздвинув их в стороны.

– Так, девочки, тихо, – сказал он твёрдо и повернулся в сторону Кэт, говоря всё тем же тоном: – Никто здесь не забыл. И никогда не забудет. И да, мы проверили его. Клейма нет. Укусов тоже. Никита, подтверди, – при этих словах высокий парень кивнул. – И, если он что сделает, то лично с ним разберусь, ясно?

Девушка ещё какое-то время посмотрела на него, будто пытаясь проделаться дыру в его голове, а затем развернулась и вышла. Никита вышел вслед за ней.

– Прости её, – сказала Женя, подойдя ко мне и сев рядом. – Она вечно так. Но она хорошая. К этому надо привыкнуть.

– Да Костя и сам её прекрасно знает, – сказал Паша. Он подошёл к столу, и встал, слегка облокотившись на него.

– В смысле? – удивилась Женя.

– Это же его одноклассница, – пояснил Паша.

– Подожди, – вмешался я. – А как её зовут?

– Кэт... ой, Катрин.

– А фамилия?

Паша посмотрел в потолок, будто там был написан ответ, а через несколько секунд ответил:

– Не помню. Вроде на «д» начинается.

Попробовал вспомнить свой класс и понял, что почти всё забыл. Это даже казалось каким-то странным сном. Будто вся та обычная жизнь – лишь сон. И вот ты проснулся, а образы уже вытекают из памяти, будто песок сквозь пальцы, и никак его не уловить. Помнил Максима Бурликина, Дениса Жикина, Веронику Сильвееву, Настю Гарлыкевич, а вот Катрин... Катрин... Я не помнил почти весь класс.

Хотя, признаться, знал ли его хоть когда-нибудь? Неудивительно, что сейчас не могу вспомнить.

– В общем, если нужно – сам у неё спроси, – сказал Паша.

– Ладно, – сказал я, – потом узнаю.

– Давайте это опустим сейчас. Это не самое важное, – сказала Женя. – Лучше расскажи, как ты к нам попал?

– Я... я искал маму... хоть кого-нибудь, – ответил я тихо. Смысла скрывать правду не было.

Женя тихо вздохнула, прикрыв рот рукой. Её взгляд на секунду исказило удивление, а потом он наполнился бесконечной грустью и сочувствием.

– Ой, божечки... – сказала она.

– Что? – спросил я. – Что такое?

– Ты ему ещё не говорил? – спросила Женя у, видимо, Паши, не переводя с меня взгляд. Я решил не медлить. Ответ был ясен.

– Она умерла, да? – спросил я.

Женя посмотрела на меня и медленно кивнула. В этот момент, казалось, та призрачная мечта окончательно улетучилась. Исчезла, не оставив и следа. Мгновенно стало так одиноко и пусто. Даже не сразу понял, что по щекам текут слёзы, пока кто-то не начал трясти меня за плечи.

«Я же говорил. Мы оба это знали», – сказал Голос.

– Как же так... – тихо слетели слова с моих губ. – Всё... было зря?

«Успокойся. Ты ведь это знал».

– Эй, Костя, успокойся... – сказал откуда-то сбоку Паша. – Блин, я хотел его подготовить как-то, а ты вот так сразу... Поддай ему воды, пожалуйста.

– Как?... Когда? – спросил я, смотря куда-то в одну точку на диване. Точнее, даже не смотрел на неё, а просто туда был направлен взгляд.

– На, попей, – чьи-то руки приложили бутылку к моим губам. Нехотя сделал пару глотков, и туман в голове слегка рассеялся. Повернул голову и увидел, что Паша стоит рядом, слегка придерживая меня за плечи одной рукой, а в другой держал бутылку.

– Как она умерла? – ещё раз спросил я. Паша убрал бутылку, Женя встала, и он сел на её место.

– Не буду вам мешать, – сказала она, выходя.

Паша тяжело вздохнул.

– Она... – начал он, – она умерла. Давно. Ещё в самом начале. Не знаю, помнишь ты или нет, но в последние дни мама странно себя вела, тогда ещё...

– Да... видел у неё синие пятна на руках... – я давно знал об этом, но теперь, когда надежда растаяла, на меня словно накинута тяжесть.

– Значит, видел... Так вот, когда нас эвакуировали и перевезли во временный лагерь – ей стало намного хуже, но я об этом не знал сразу. Она скрывала – ты же знаешь маму: вечно в себе всё держала... А в автобусе, потом, когда везли дальше, мама потеряла сознание. Я даже и не заметил сразу, потому что она сидела в конце автобуса с бабушкой, а я ближе. Они там всех проблемных в конце посадили – только бабушка не хотела оставлять её одну, даже небольшой скандал был, но разрешили... Ты наверное и не знаешь, она ещё за мамой ухаживала дома, но они обе тогда молчали. Бабушка мне рассказала потом, на той базе... Фух... – Паша тяжело вздохнул. – И попросила меня не говорить никому, что мама заражена. Представляешь, её как-то пропустили, даже не знаю как – вот так всегда у нас со всем. И я, дурак, молчал... Молчал, потому что боялся за неё. Или за себя – не знаю. Это всё уже неважно. Когда... когда мама умерла, никто не заметил сразу, как она обратилась в это... чудовище. А когда заметили – было уже поздно. Первой она перегрызла горло бабушке – та даже не успела проснуться... Кто-то закричал, я тогда и обернулся... Потом начала нападать на людей вокруг. Я только бросился к ней, но наш автобус резко накренился и перевернулся – не знаю, что произошло... Меня выкинуло в окно, на траву. Много кто умер... Точнее, почти все. Выжил только я, и та девочка – Кэт... Мы потом добрались до города, а затем сюда: тут группа была, они нас очень добро

приняли... Тогда ещё так можно было, хотя никого из них уже не осталось... В общем, вот так, – Паша немного помолчал, а потом добавил: – Извини, сумбурно как-то вышло. Детали я уже не помню, да и зачем тебе их знать...

Я не отвечал, пытаюсь переварить всю информацию. Получается, мне тогда не просто показалось: она действительно была больна.

«Но почему, мама? Почему ты ничего не сказала?»

«Понятно же: чтобы её в больницу не забрали».

Паша попытался меня приобнять, но я отстранился.

– Не нужно. Всё... всё в порядке, – тихо сказал я.

– Уверен? Я ведь тоже через это прошёл.

– Не пойми неправильно: я знал, что так и будет. Знал. Просто встретиться с фактом лицом к лицу намного тяжелее, чем просто предполагать. Но мне нужно было.

– Это всегда так.

– Что теперь делать... – тихо сказал я.

– Ты о чём? Что сейчас делать?

– Нет, это вообще... по жизни.

Паша посмотрел на меня удивлённо:

– Как это «что»? Оставайся здесь, с нами. Или у тебя кто-то ещё есть?

Посмотрел на Пашу и грустно улыбнулся, едва сдерживая слёзы.

– Никого у меня нет. Больше никого.

– Ну, это неправда, – тихо проговорил он. – А я? Ты же мой младший брат, как-никак. Единственная семья, которая осталась, – он помедлил несколько секунд, а затем добавил. – Ты остаёшься, и точка. Я не могу потерять тебя снова, когда уже и перестал надеяться, а ты появился.

– Я хочу этого не меньше, чем ты, но не могу... – я вспомнил то, почему умирали все мои близкие люди.

– Почему? Что за бред ты городишь? Как это ты не можешь остаться, когда тебе куда не нужно возвращаться? Может ты устал? – он потрогал мой лоб. – Вроде жара нет...

– Да не больной я... Это тяжело объяснить. Просто знай: без меня всем вам будет только лучше, – я начал вставать, но Паша схватил меня за руку.

– Бред! – воскликнул он. – Что за херню ты несёшь?! Ты мой брат! Мой младший братишка, которого я считал мёртвым! И вот, чудо, ты пришёл. С того света пришёл! И будет лучше снова потерять?!

– Но... – начал я.

– Нет! Ничего и слышать не хочу! – оборвал меня Паша. – Ты дурак совсем?! Или больной?

– Паша, я проклят, понимаешь?! – не выдержал я, а затем меня будто затрясло, и уже говорил тихо: – Все... все, кто мне был дорог – они мертвы. Мертвы, понимаешь? Я не хочу... и тебя, – я молча встал, чтобы выйти. – Дай мне рюкзак, и я уйду. Пожалуйста...

Паша молча встал, а затем резко ударил меня по лицу, от чего я упал обратно на диван.

– Больной, да? Ну так я выбью из тебя эту дурь. И к батарее закую, если надо будет. Значит, так: ты остаёшься здесь. Ясно? – он говорил тихо, но твёрдо. – Что это за херня? Проклятье? Думаешь, ты единственный, кто потерял кого-то? Думаешь, только у тебя на глазах умирали? И что, все прокляты? Но я живой, ты живой – что-то здесь не так.

Я не знал, что ответить. Щека болела. А Паша продолжил:

– Я тоже похоронил друга. Не одного. Было больно. Очень больно – хоть в петлю лезь. И хотелось. Да, тоже думал: «Почему я остался жив? Может это я так проклят и вот моё наказание?», но нет, это не так. Они смотрят на нас сейчас оттуда, – он указал в потолок, – и хотят, чтобы мы жили дальше. За нас, за них. Чтобы мы смогли, когда-нибудь, вернуться в то время,

когда можно не думать о том, как выжить, не ожидая даже следующего дня. Чтобы мы снова улыбались, а не проливали слёзы по новым потерям. Думаешь, у тебя одного трагедия? Да все здесь потеряли слишком много, чтобы это вынести, но мы выносим. Мы идём дальше. И ты будешь. Потому что мы выжили, и лишь поэтому будем нести этот крест за тех, кто остался позади. Мы будем их глазами, ушами и будем улыбаться за них, радоваться новому дню, а не ожидать его с опаской. Ты меня понял?!

Молча кивнул. Его слова были более чем убедительными и, кажется, распалили что-то внутри меня.

– Так-то лучше. И больше, чтобы я от тебя такого не слышал. Мир вокруг тебя не вертится. И люди погибают, потому что так получилось, а не потому, что ты был рядом. *C'est la vie*.

Паша тяжело вздохнул и сел рядом. Из коридора показалась Женя.

– Что такое? Что за шум, а драки нет?

– Да вот Косте мозги вправлял, – ответил Паша. – Глупости говорит. Но мы уже всё разрешили – так?

Я кивнул.

– Так, из-за чего весь этот сыр-бор? – спросила девушка.

– Потом тебе расскажу. Иди в комнату. Хочу ещё немного с братом поговорить, – ответил Паша.

– Поняла, – сказала девушка и скрылась снова в темноте левого коридора.

– Так, – начал Паша, – а что с тобой-то было? – при этих словах он резко выдохнул. – Блин, прошёл лишь год, а столько всего произошло... Тогда была совершенно другая жизнь, не такая.

– То и была другая жизнь, – сказал я.

– Так как ты дошёл до жизни такой?

Я выдохнул.

– Можно воды? – спросил я. Паша молча подал бутылку, где жидкости оставалось лишь на дне. Я с волнением посмотрел на это.

– Не волнуйся насчёт воды, – заверил меня Паша. – У нас её ещё много. Целый склад. Тут вообще много чего осталось после военных. Готовились к тому, чтобы долго выживать, да вот только зря.

– А что случилось?

– С кем?

– С военными.

– Да что везде: сначала пытались поддерживать порядок, потом, как связь пропала на второй месяц, стали сами за себя. Да это и неважно уже. А вот твою историю хочется послушать.

После его слов медленно допил и поставил пустую бутылку на стол. Затем рассказал ему обо всём. С самого начала. Тихо и спокойно. О том, как нас эвакуировали со школы; как я ждал во временном лагере – Паша ответил, что их повезли в другое место, где он ждал меня. Рассказал как во время перевозки тоже что-то произошло и что наш автобус перевернулся; о том, как мы вместе с Павловым, Майком и Максимом выживали; о предательстве Максима и Майка; о том, как Павлов умирал на моих глазах, но всё равно защищал меня, и что мне пришлось его убить. Правда, своё помешательство опустил, сказав, что выживал в одном из домов. Потом рассказал о том, как встретил другую группу людей; о Свете, Лёше, Олеге; о культе фанатиков, которые приносили людей в жертву, суициде Олега; о том, как снова остался один, и нашёл деревню, где люди убили друг друга ради еды; как нашёл целое поселение людей, которое, в итоге, оказалось ловушкой. Паша внимательно слушал, а я продолжал. И рассказал о том, как на моих глазах людей убивали ради забавы, и о том, как я сам впервые убил. Рассказал о том как остался один, и о том, как нашёл Крестину, и как она погибла из-за меня, и что пришлось

её убить окончательно, а так же убить всю группу тех скотов. И то, как я, в итоге, оказался здесь. Про Голос не говорил – мне не хотелось сейчас это поднимать.

– ... а потом тот парень приставил к моему горлу нож... Ну, дальше ты знаешь, – закончил я.

Паша ещё некоторое время молчал, когда я закончил. Посмотрел на часы – «21:22». За то время, пока рассказывал, несколько раз заходила Женя, чтобы что-то взять из маленькой комнаты, и Катрин один раз проходила. Но, в целом, мы были одни с Пашей.

– Ох, – тяжело вздохнул он, наконец. – Помотала тебя жизнь, братишка... Понимаю, что она сейчас ещё более тяжёлая, чем раньше, но чтобы так... Ты... ты говорил, что хотел покончить с собой? Или мне показалось?

Я кивнул. Мне было всё равно уже.

– Хорошо, что этого не сделал. Но ты не подумай: от такого кто угодно бы сдался, я не осуждаю... Ты... ты молодец, – он положил руку мне на плечо и улыбнулся. – Молодец, что пришёл сюда. Теперь всё будет хорошо.

– Хотел бы в это верить, но пока ни во что не могу, – устало сказал я. – Я устал сегодня. Можно куда-нибудь лечь? Могу и на пол, мне не принципиально – только лучше бы какое-нибудь одеяло, чтобы не замёрзнуть.

Паша резко подскочил.

– Конечно-конечно. Никакого пола – найдём что-нибудь... Сейчас, идём, – он пошёл в тёмный коридор налево. Я шёл следом. Тело слегка качалось, а в голове был небольшой туман. Ничего не хотелось.

«Лишь бы поскорее кончился этот день...»

– У нас здесь пять комнат есть – выбирай любую, – сказал Паша.

– Ой, дай любую. Лишь бы просто было место, где поспать.

– Хорошо. Пойдём.

Мы прошли мимо нескольких железных дверей, в конец коридора. Там он кончился ещё одной дверью. Паша с силой открыл дверь и щёлкнул переключателем на стене – в комнате загорелся слабый желтоватый свет. Внутри, вдоль стены напротив входа, стояла металлическая кровать с голым матрасом. Ещё у другой стены стояло два деревянных стула. Стены, у самого потолка по углам, слегка потемнели, и был виден тонкий слой мха.

– Постой здесь, сейчас принесу что-нибудь, чем можно накрыться, – сказал Паша, выходя из комнаты.

– Не нужно, – сказал я, но он уже скрылся.

Я медленно подошёл к одному из стульев и устало плюхнулся на него.

«И что дальше? – спросил Голос. – Останешься с ними?»

– А что ещё остаётся? Так просто сдыхать не хочется – может хоть чем-то помогу перед этим. Паша прав: все они хотели, чтобы я жил, – при этих словах я медленно поднял руку в сторону лампочки и посмотрел сквозь пальцы на свет. – Глупо и мерзко было бы так наплевать на них.

«Снова эта песня... Не буду тебе повторять. Ты и сам прекрасно знаешь, к чему сам их приведёшь.»

– Никто больше не умрёт, – тихо сказал я. – Хватит с меня смертей. Если что – я сам первый и умру, но не подставлю другого.

Голос ничего не ответил.

Через несколько минут пришёл Паша, держа в охапке стопку, кое-как сложенного, белья.

– Еле нашёл, – сказал он, вздыхая, и положил бельё на кровать. – Тебе помощь не нужна? Справишься?

– Нет, спасибо. Ты иди, дальше я сам как-нибудь, – я встал со стула и подошёл к кровати.

– Всё нормально? Ничего не нужно? Может, перекусить что-нибудь принести? – спросил Паша, стоя в дверях.

– Ничего не нужно, Паш, – постарался улыбнуться, но не думаю, что вышло что-то. – Просто очень устал.

– Понимаю... Спокойной ночи. Свет только не забудь выключить – мы его экономим по возможности, – сказал Паша, закрывая за собой дверь и оставляя меня одного.

Кое-как постелил бельё, быстро разделся и упал на кровать, забираясь под холодное одеяло. А затем вспомнил, что не выключил свет, встал со вздохом, быстро щёлкнул переключателем и лёг обратно.

Было странное ощущение. Ещё утром у меня всё было иначе: разочарование, одиночества, безнадёжность и последняя идея-фикс. Но вот встретил брата и живу бок-о-бок с другими живыми людьми. У них даже свет есть, еда... И кровать, вроде, неплохая – точно лучше всего того на чём спал последние недели. Всё как в старом мире... И эти, чёртовы, «спокойной ночи»... Конечно, к хорошему быстро привыкаешь, но для меня сейчас это было очень непривычно.

* * *

Утром кто-то мягкими толчками вырвал меня из удушающего тяжёлого сна. Это была Женя.

– Утречка. Ничего, что разбудила? – спросила она, сидя рядом на кровати. С коридора сюда едва проникал слабый свет, но даже при нём увидел на её лице улыбку. Её волосы были собраны в небольшой хвост.

– Странный вопрос, – ответил я.

– Ты как себя чувствуешь? Как спалось? Не холодно?

Зевнул и сел.

– Одно из лучших мест, где был за последний год, – ответил я спокойно.

– Вот и замечательно, – сказала Женя, встала и пошла к выходу. Она остановилась в проходе и добавила: – Подходи на кухню. Все уже позавтракали. Только тебя не было.

Посмотрел на часы, которые забыл вчера снять: «9:05».

– Я в такое время, обычно, ещё сплю, – ответил я, спустив ноги с кровати. – Но спасибо. А где тут кухня?

– Вы же вчера там с Пашей разговаривали – забыл? – всё так же улыбаясь, ответила девушка.

– Понял. Не знал, что это кухня... Сейчас приду. Включи свет, пожалуйста.

– Конечно, – мягко ответила Женя, щёлкнула переключателем, и закрыла за собой дверь.

«Вот ты снова в окружении людей. Живых. И вот у тебя снова нет цели. Что собираешься делать?»

– Я уже отвечал и мой ответ не поменялся: останусь с ними. Буду защищать, пока получается. Может, хоть так моя жизнь будет иметь какой-то смысл, – тихо ответил я.

«От кого ты их защищать собрался? От себя, надеюсь? Ты ведь для них самая главная угроза».

– Ой... – вздох вырвался из груди. – Заткнись. Достал. Что будет – то будет.

«Дело твоё».

– Вот именно, что моё. И я постараюсь их оградить от опасностей, по возможности, даже ценой собственной жизни. Больше бежать и сомневаться не собираюсь.

«То есть, ты готов уже на всё? Ты ведь их даже не знаешь».

– А мне больше нечего терять, – усмехнулся я. – Что так, что так – разницы лишь в том, что сейчас у меня есть хоть что-то.

«А как же твои принципы? Человечность, о которой ты столько распинался?»

– А что с этим? Я же не собираюсь причинять страдания ради развлечения. Не собираюсь отбирать последнее у таких же жертв, как мы. Как раз наоборот: собираюсь помогать, отдавая себя полностью – разве это не человечность?

Голос ничего не ответил.

Встал с кровати, быстро оделся, а затем застелил кровать. Хоть обычно этого и не делал, но сейчас мне захотелось. После этого вышел в коридор. В воздухе пахло чем-то тёплым, и до боли знакомым.

– Садись где-нибудь, я сейчас... – сказала Женя из прилегающей комнатки, едва выглянув и снова спрятавшись, когда я зашёл.

Молча сел на диван. Девушка через несколько секунд показалась с тарелкой в руках. Оттуда шёл лёгкий дымок. Внутри оказалась гречка. С ней было перемешано ещё что-то.

– Может не самая крутая еда, но чем богаты, так сказать, – оправдалась Женя, присаживаясь рядом.

– Ты чего? Мы же не в ресторане, – улыбнулся я из-за такого стеснения. – Если бы ты знала, что я ел... особо выбирать и не приходилось.

– А что ты ел?

– Консервы, чипсы, печенье, сухие макароны, мясо, часто испорченное – вообще всё, от вида или запаха не тошнило, – ответил я, быстро поедая гречку. Эта тарелка была самым вкусным, что я ел за последние месяцы. – Часто вообще ничего не было или приходилось сильно растягивать.

Вместе с гречкой, как оказалось, была тушёнка.

– Бедный... Ну, теперь-то, думаю, будет лучше. Хватит себя убивать вредной едой!

Смешок невольно вырвался у меня и несколько кусочков чуть не вылетели изо рта.

– Чего смеёшься? – Женя не выглядела обиженной.

– Просто не думал, что сейчас кто-то заботится об этом, – всё ещё улыбаясь, ответил я. – Ведь и раньше-то не особо заботились.

– Вот и зря! Глупые, потому что! Вот вернёмся мы к прежней жизни, а потом будем в пятьдесят лет жаловаться на то, что желудок болит – тебе это надо?

Вернуться к прежней жизни и прожить до пятидесяти... Мне это кажется таким же нереальным, как если бы мы прямо сейчас вышли на улицу и просто так полетели в небо. Совсем невозможно.

– Вряд ли люди проживут ещё с десятков лет, – мрачно ответил я. – Нас уже почти не осталось.

– Ну, а я думаю иначе. Катаклизмы случаются далеко не в первый раз и люди как-то переживали это, снова размножались. А сколько войн было, эпидемий... Вот увидишь: твои дети уже увидят новый мир, и не будут стараться просто выжить.

«Мои дети... Ещё одна нереальная вещь», – но дальше спорить не стал.

– Время покажет, – просто ответил я. – Если честно, то не вижу смысла строить эти картины в воображении насчёт будущего. Гораздо важнее выжить сейчас – дожить до завтра. А там будь что будет.

– Но в будущем, вот увидишь, всё поменяется, – всё никак не успокаивалась Женя. На кухню зашёл Паша.

– А где Никита? Не видели? – спросил он.

– Дежурить пошёл, как обычно, – ответила Женя. – Ты же его знаешь.

Паша сел рядом со мной.

– Вот неймётся ему. Каждый день встаёт раньше всех, а потом приходит поздно ночью. Сегодня, вообще-то, моя очередь.

Встал и пошёл к Жене с пустой тарелкой. Прилегающая комнатка оказалась не такой и маленькой: с одной стороны стояли две плиты, а рядом были шкафчики и тумбочки. С другой же стояли три глубоких раковины. Всё здесь было аккуратно расставлено и места хватило бы для шести человек.

– Где тут можно её помыть?

– Прямо в раковине, – Женя посмотрела на меня с лёгким удивлением.

– У вас есть вода? – удивлённо спросил я. – Я думал, что ничего не работает.

– Если бы не Никита – не знаю, как бы мы и выживали, – сказала Женя. – На нём всё и держится.

– Эй! – возмущённо воскликнул Паша из главной комнаты. – Я всё слышу.

– Ничего, дорогой. Ты тоже важный, – Женя мне слегка подмигнула, и я улыбнулся.

Вода была ледяной, но то, что она была, уже радовало. Последний раз видел работающие краны в Остании. Кое-как отмыл тарелку и поставил её на полочку.

– Неплохо вы здесь устроились, – сказал я Паше, когда вернулся в кухню. Он всё так же сидел на диване, скрестив пальцы на подбородке – я видел это много раз, когда он что-то усердно обдумывал. – О чём думаешь?

– А... так... Ничего, – отмахнулся Паша.

– Паша, я прожил с тобой почти всю жизнь. И знаю тебя превосходно. Говори. У тебя на уме что-то есть, и это не ерунда.

Паша откинулся и на несколько секунд, вздохнув, закрыл лицо руками. Затем медленно их убрал в стороны, смотря в потолок.

– Просто... – начал он, – меня всё одна мысль не покидает: нам нужно уходить отсюда, и как можно скорее, но Никита против, и я не знаю как его уговорить.

– Зачем отсюда уходить? – удивлённо спросил я. – Здесь же всё есть.

– Потому что сюда могут прийти.

Женя появилась из прохода и выключила свет в маленькой комнатке:

– Снова ты об этом? – спросила она, подошла, села рядом и приобняла Пашу, прижимая к себе. – Всё будет хорошо. Никто уже не придёт.

– Нет. Ты не видела его лица. Они придут снова – это лишь вопрос времени, – с тревогой в голосе сказал Паша.

– Значит, мы снова их вышвырнем.

Паша резко обернулся к ней.

– Да, я знаю, что говорю глупости, – сразу же грустно добавила Женя. – Просто... я не хочу снова скитаться. Мы ведь здесь уже всё обустроили. Почему они не могут нас просто оставить? – девушка спряталась в плечо Паши.

– Может, мне кто-нибудь объяснит? – спросил я. Не хотелось вмешиваться, но ничего не понимал.

– Ты ему не рассказал? – спросила Женя.

– Нет... не совсем, – ответил Паша. – И сейчас не хочу. Костя, давай потом. Это очень близкое. Я говорил, что нас раньше было больше... Блин, как мне до Никиты достучаться? Он ведь точно не захочет и слушать. А без него мы не поедём.

– Ты что-нибудь придумаешь, как всегда. Да и теперь у тебя ведь есть помощник, – сказала Женя, смотря на меня.

Паша вздохнул, поворачиваясь ко мне:

– Пойдёшь со мной?

– Идём, – я встал с дивана.

– Так сразу? Ну, пойдём, – он встал следом и взял куртку, которая висела на вешалке у входа, которую я до сих пор не замечал. Ещё он взял с собой нож со стола.

Паша открыл дверь и пропустил меня вперёд, прямо в объятия крошечной тьмы, а затем вышел сам, включил фонарик и закрыл дверь. Здесь было холоднее, но не так холодно, как на улице. Мы пошли по коридору, как мне подсказывала память, к лестнице наверх, мимо пустующих закрытых комнат.

– А что здесь вообще было? – наконец, решил я разрушить тишину.

– Здесь раньше жили люди. Везде. Точнее, здесь, в подвале, видимо, жили только работники, а остальные люди наверху. Но когда мы приехали сюда – здесь уже была лишь тень того, что задумывалось изначально. Столько трупов было...

– В смысле «вы приехали»?

– Я же тебе говорил, что мы здесь были не с самого начала... Или не говорил? Ай, не важно. В общем, мы вчетвером сюда только летом попали. Я, Женя, Кэт и Дима. Дима... не повезло бедняге, – Паша на несколько секунд замолчал, а потом продолжил: – И вот, в общем, когда мы случайно сюда забрели – здесь уже был только Никита.

– Один?

– Да. У него... были причины. Сначала у нас вышло недопонимание, но мы быстро всё разрешили, начали обустраиваться. Потом даже попытались объединить людей... Знаешь, сигнал посылали по рации.

– Когда? – удивился я. Меня это удивило, потому что эфир всё время был пустой. У Миши было маленькое радио, которое я слушал каждый день, но кроме сообщений из самой Остании там ничего не было.

– Не помню точно. Да и сейчас разве скажешь, когда это точно было? Недели, месяцы – всё потеряно... Было жарко – это точно. Наверное, середина лета.

– Но я вас не слышал...

– Правильно. Мы ведь посылали сигнал на коротких волнах. В пределах нескольких десятков километров. По крайней мере, так Дима говорил – это он всем занимался. Связист...

– А что потом?

Мы уже поднимались по лестнице. После темноты подвала серое утро казалось нереально ярким. Пришлось прикрывать глаза.

– Потом?... – вздохнул Паша. – То же, что и обычно. Люди не меняются, знаешь? Если бы дали возможность вернуться – никогда не согласился на это. Но, с другой стороны, скольким мы помогли... В общем, всё, по началу, было хорошо. Медленно, но люди к нам приходили. Я и не заметил, как нас уже стало около сорока человек. А ведь было всего пятеро. Даже месяц назад нас было ещё двадцать человек. А сейчас, вот, осталось четыре... Ещё до начала зимы, вроде, пришёл к нам один парень. Лысый, с татуировкой дракона на голове. Попросился к нам. Сказал, что выживал в Кантере, и услышал недавно сигнал. Никто его не заподозрил – а как бы мы это сделали? Правда, Никита сказал, что он какой-то странный, но я не придал этому значение. А через несколько дней к нам пришли они... Целая группа. Человек пятнадцать. Все вооружены. На машинах. И... – Паша остановился у окна и замолчал.

– Можешь не продолжать. Я всё понимаю, – я встал рядом.

Паша на секунду улыбнулся, всё так же стоя у окна, в которое ярко светило солнце. Оно сейчас, даже если бы и захотело, не смогло бы спрятаться никуда, ведь небо было чистым и бесконечно глубоким.

– Ничего. Лучше, чтобы ты знал. Я хочу, чтобы ты знал. Да и у тебя этой татуировки нет. Да и вообще, ты же мой брат... В общем, тот их впустил внутрь, а они сразу начали убивать наших. Без предупреждения, без каких-то требований. Просто так убивать. И всё кричали: «Предать огню! Предать огню!». Фанатики какие-то. У них всех была эта татуировка на бритой голове. Точнее, это была даже не татуировка, а клеймо. Мы кое-как отбились. Много наших умерло – никто ведь не ожидал такого. Их мы тоже потрепали, конечно. После этого мы перестали слать сигнал... Месяц назад они снова заявили. В этот раз мы уже были готовы, но всё

равно... от нас почти ничего не осталось, как ты мог и сам заметить. У меня, как видишь, тоже след остался, – Паша указал на шрам на щеке.

– Понятно теперь, почему ты хочешь уехать. Я бы сразу уехал отсюда.

– А куда нам было ехать? Зима на дворе, куча вещей, да и как перевезти сразу двадцать человек? В несколько заходов – бензина не напасёшься... Сейчас у нас и машины уже нет... Эти скоты забрали.

Здесь было холодно. Морозное дыхание зимы проникало внутрь здания без проблем из-за отсутствующих окон. Мы пошли дальше. Никита стоял на втором этаже.

На полу лежало много гильз, вперемешку с битым стеклом и прочим мусором, а все стены были в дырках – следах от пуль. Всё это вместе сразу же давало понять, что здесь произошло. А кровавые пятна на стенах и протянутые линии на полу говорили о том, что это было не так уж и давно.

Никита стоял в большой комнате у окна. По центру было большое тёмное пятно.

«От гранаты», – пояснил Паша.

– Ну, что там? – спросил он, подходя к тёмному силуэту человека с автоматом.

– Тихо.

– Послушай, – начал Паша, – нужно поговорить. Отойдём.

– Что-то случилось? – спросил Никита, отходя от окна. Он на секунду остановил на мне взгляд, а затем двинулся дальше, будто не замечая.

– Ничего. Просто мы до последнего тянули, и сейчас – лучшая возможность.

– Для чего? Или ты снова об этом?

– Да, чтобы уехать.

Никита на несколько секунд впился глазами в Пашу, а затем ответил:

– Ты и так знаешь мой ответ: нет, – и пошёл к выходу из комнаты.

Паша резко взял его за руку.

– Да как ты не поймёшь? Мы не можем здесь оставаться. Ты ведь видел, что тогда тоже несколько убежали, как в прошлый раз. Они снова придут. Придут, понимаешь? В этот раз нам конец, – Паша еле сдерживался, чтобы не перейти на крик.

– И что? Какая разница? – сказал тихо Никита, дёргая рукой, но Паша держал крепко.

– Да почему ты так упрямисься? Я понимаю, что у тебя сестра здесь похоронена, но это не причина, чтобы лечь рядом с ней в могилу, – Паша помедлил немного, а затем добавил: – Если вообще ляжешь в могилу.

– Отвали, – грубо ответил Никита. – Хотите ехать – уезжайте. А я останусь. Если Бог решит, что время пришло – значит, так и быть.

– Послушай, Никита, – я решил присоединиться. – У меня есть машина. Мы сможем доехать до города. Я лишь немного услышал о том, что у вас произошло, но уже понимаю, насколько здесь паршиво оставаться.

Никита резко вырвал руку и быстрым шагом пошёл ко мне, встал напротив и начал сверлить взглядом.

– Ты что здесь вообще забыл?

Я отлично знал этот взгляд. Только вот не осталось во мне ничего прежнего, чтобы просто избежать проблемы. Мне было всё равно на последствия, поэтому решил добавить огня.

– С братом пришёл. Одному идиоту мозги вправить, чтобы глупо не сдох.

– Значит, это я идиот? – он хмыкнул, а затем резко замахнулся, но я успел уйти в сторону и ударить его в живот, от чего его ноги слегка подкосились.

– Хватит строить из себя жертву, понятно? Все мы потеряли что-то важное, – процедил я сквозь зубы.

Никита ударил меня по ноге, от чего я упал на одно колено. Паша не вмешивался. Он знал, что нам обоим это было необходимо.

– Да что ты вообще знаешь? Появляешься непонятно откуда, и начинаешь тут себя самым важным показывать? Умирал у тебя самый близкий человек на глазах? – Никита ударил меня по лицу сверху, свалив на пол. – Видел, как жизнь медленно уходит?! – он и сам упал рядом на колени, тихо всхлипывая. – Видел?.. Знаешь, как больно это видеть и ощущать беспомощность? Ведь всё, что ты можешь – это просто не дать ей стать этим монстром...

– Про неё Паша говорил? – прохрипел я, поднимаясь и выплёвывая кровь. Никита сидел на коленях рядом, протирая ещё влажные щёки.

– Лизонька... моя сестра.

Я сел, упираясь спиной в стену:

– Мне жаль... Как это произошло?

– Неважно, – тихо ответил Никита.

– Расскажи. Поверь, станет легче.

Никита медленно встал. Момент чувственности прошёл, и он вернулся к прежней маске безразличия. Хотел рассказать свою историю, но понял, что сейчас это будет бесполезно.

– Неважно, – повторил он.

– Никита, поехали, – Паша неожиданно подошёл сзади и положил руку ему на плечо. – Как мы без тебя?

– Я остаюсь. И точка.

После этого Никита пошёл к выходу, но в противоположную сторону от того, откуда пришли мы. Паша подал мне руку и помог встать:

– Пойдём.

– А как же Никита?

– Не знаю... Ты ведь видишь, что он не слушает. Сколько раз уже пытался: и я, и Женя, и даже Кэт – он никого не слушает. Это его выбор, – Паша скрылся в проходе. Я пошёл следом. Мне не совсем была понятна логика брата. Казалось, что он слишком легко сдался. Что-то здесь не складывалось.

Через несколько минут мы уже зашли внутрь тёплой жилой секции подвала. За столом сидела Кэт, медленно перебирая ложкой кашу в тарелке. Паша пошёл дальше. Ему нужно было сказать Жене, чтобы она собиралась.

– Привет, – сказал я. Было как-то неловко находиться с ней наедине.

– Привет... – тихо сказала она тонким спокойным голосом. Повисла тишина. Ждал, что она что-нибудь спросит, но ей, видимо, нужно было молчание.

Примерно через десять минут Паша вылетел из прохода.

– Кост... – он оборвался, поворачиваясь в сторону Катрин. – Ой, Кэт, привет. Я тебя... как-то не заметил. Тут такое дело... Помнишь наш разговор несколько дней назад? – девушка кивнула. – Ну так вот: собирай вещи. Сегодня уезжаем.

– Как?.. – удивилась Катрин. – У нас же нет машины. Уже нет...

– Ошибаешься, – улыбнулся он. – Как, по-твоему, Костя сюда попал? Думаешь, он бы шёл пешком десять километров по снегу?

– А Никита? Согласился?

– С этим сложнее, – ответил Паша. Но Кэт, кажется, всё поняла и так. После она посмотрела на меня недоверчиво, а затем встала со стула, и пошла мыть за собой посуду.

– Успеешь? – спросил Паша.

– Куда идти? – спросила девушка, проходя мимо Паши.

– Неси вещи сюда, к выходу. А там разберёмся. Только много не бери. Это, всё-таки, внедорожник, а не грузовик.

– Поняла, – она окончательно скрылась в тусклом коридорном свете.

Паша подошёл ко мне.

– Костя, поможешь? Там нужно кое-какие вещи собрать, перенести. Да и одному опасно ходить, когда руки заняты.

Я в ответ кивнул. Следующие несколько часов мы сначала собирали вещи в сумки (в основном еду), которые остались от тех, кто здесь жил раньше. А затем переносили это в машину. Ещё полчаса убили только на то, чтобы разобраться с замком и только тогда смог заехать во двор. Затем мы с Пашей перенесли небольшой бензиновый генератор, который, как оказалось, питал всё электричеством.

– А зачем тебе катана? – удивился Паша, увидев, что лежит у меня на заднем сидении.

Я непроизвольно улыбнулся.

– Это... просто нравилось всегда. Была возможность – вот и забрал.

– Хорошая штука, – он достал её и немного повертел в руках, достал из ножен, снова повертел и засунул обратно. – Острая... Нормально с ней обращаешься?

– Научился. Восставших хватает.

– Восставших?.. Это ты так про мертвяков? Да... ты же говорил так раньше, – я кивнул. – Интересное название. Если подумать – даже логично, – он замолчал, а потом добавил тихо: – А ведь это когда-то были чьи-то родители, дети, братья, сёстры, друзья, любимые...

Ничего не ответил. Паша положил катану в багажник.

– Что теперь будет? – спросил я. Мы стояли, упёршись спиной в капот машины, ожидая, пока подойдут остальные.

Паша вздохнул.

– Заедем домой. В последний раз. Не думаю, что мы потом вернёмся в эти края.

– К НАМ домой?

– Да.

– Зачем? Там ведь ничего уже не осталось, наверное.

– Мне так не кажется, – улыбнулся Паша. – Ну, а даже если и нет – просто хочется побыть дома. Вспомнить, что когда-то у нас была нормальная жизнь. Хотя... нет. Нормальной она не была. Но тогда всё равно было иначе.

– В воспоминаниях всегда всё иначе, чем в жизни.

Паша усмехнулся.

– Смотрю, ты у нас в философы подался. А мне казалось, что ты ещё ребёнок.

– Паша, в этом мире невозможно быть ребёнком, – я пошёл в машину.

Паша остался стоять. Вскоре и девушки подошли.

– Ты хочешь за рулём? – спросил Паша, заглянув в открытое окно. Я сидел на водительском сидении.

– Мне без разницы, – сухо ответил я.

– Тогда дай мне. Дай вспомнить хоть. Да и никогда такую махину не водил, – в его глазах горел детский огонь энтузиазма, а на лице была радостная улыбка. Я молча открыл дверь, обошёл машину и сел на соседнее место. – Ну, что? По коням? – сказал Паша, заведя мотор. Он будто ловил всем телом каждый звук мотора.

«Посмотри в окно, назад», – прозвучало в голове. Посмотрел и увидел одинокую фигуру, медленно идущую к нам. Он шёл ровно, насколько позволяла идти зима – точно не восставший.

– Паша, стой, – сказал я, махнув рукой в сторону брата.

– Что такое? – спросил он и заглушил двигатель.

– Кто-то идёт. Сзади.

Послышалось шуршание, а потом Паша открыл дверь и вышел наружу.

– Всё-таки решился? – спросил он радостно. – Не поздно?

– А что, места нет? – послышался голос Никиты.

– Для тебя всегда найдётся, – ответил Паша. Через несколько секунд он уже был возле машины, на его лице сияла довольная улыбка: – Девчонки, двигайтесь.

Никита, кое-как, всё-таки влез. После того, как его рюкзак оказался в багажнике, Паша сел обратно, завёл двигатель, и мы поехали.

– А куда мы? – спросила Катрин, когда мы проезжали по полю.

Смотрел в окно: снег на поле лежал ровно, создавая ощущение гладкости, а вокруг стеной росли ели, вперемешку с маленькими ёлочками. И над всем этим, словно бриллиант в короне, высилось солнце. Блестящее, и такое недосыгаемое...

– Домой поедем, – ответил Паша.

– В смысле? – спросила Женя.

– В прямом. Едем в Номир. В квартиру, где мы с Костей жили. Только сначала где-нибудь оставим генератор – нечего его возить просто так с собой. Он пока не пригодится. А весит много, и бензина жрёт.

– Не понимаю, – начал Катрин, – зачем нам туда возвращаться? Может мы лучше поедем в Грим? Или куда-нибудь... дальше?

Паша еле слышно вздохнул, а затем ответил:

– Кэт, успокойся. Мы едем туда, потому что больше сюда не вернёмся – поэтому хочу заехать домой в последний раз.

– Дебилизм, – недовольно вставила Катрин. Паша улыбнулся.

– Согласен, но я ведь человек. А человек хочет иногда побыть сентиментальным. Насчёт генератора не волнуйтесь – мы его временно оставим. Потом поедем искать людей – нам он будет только мешать. Но потом обязательно за ним вернёмся.

– Людей?! Паша, тебе мало было того раза? – недовольно выкинула Катрин. Мы выехали на шоссе. Такое же заснеженное, как и поле. Здесь были следы моего вчерашнего въезда, но нам нужно было сейчас ехать в другую сторону.

– Кэт, это не обсуждается. Мы не можем выживать вчетв... впятером. Нам нужно объединиться с другими выжившими. Если мы так поодиночке умрём, то от человечества ничего не останется кроме мёртвых руин-городов.

Девушка недовольно хмыкнула, но ничего не ответила. Все мы понимали, что нужно объединиться с другими. У людей это заложено на генетическом уровне – сбиваться в группы. Ведь именно так мы и стали доминирующим видом на Земле. Но так мы и почти уничтожили себя, пусть далеко не с первой попытки.

Дорога была долгая. Говорили только Паша и Женя. Брат ей рассказывал о разных историях этих краёв – не зря же он ходил несколько лет в краеведческий кружок. Перед городом мы объехали перевёрнутый автобус – место, откуда всё и началось. От времени он кое-где покрылся ржавчиной, а где-то появились следы от пуль. Кто знает, что здесь произошло за это всё время... А затем, мы увидели большой монумент – примерно пять метров в высоту – где изображался рабочий, который держит полотно с надписью «НОМИР – ГОРОД РАБОЧИХ ЛЮДЕЙ», а снизу ещё одно: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

– Сколько воспоминаний... – сказал Паша, когда мы въехали на улицу, которая дальше вливается в главный проспект. Отсюда до дома было уже недалеко.

Паша начал пристально всматриваться в дорогу, и вскоре, слева, мы увидели частный сектор. Свернули, проехали пару поворотов, остановившись перед одиноким полуразваленным бревенчатым домом. Паша сказал, что сюда вряд ли кто-то будет заглядывать, но мы, на всякий случай, всё равно прикрыли генератор старым покрывалом и оставили за печкой. После этого ушли, поставив едва приметный крестик на двери дома.

Всю дорогу Паша периодически включал радио, но кроме помех там ничего не было. Наконец, мы остановились напротив подъезда, откуда я много лет ходил по утрам в самое ненавистное место, и куда зачастую возвращался побитый и уставший. Столько воспоминаний...

Выйдя из машины, каждый достал своё оружие. На всякий случай.

Двери всех подъездов были настежь открыты, и лишь горочка снега немного забралась внутрь.

– Будьте осторожны, – сказал Паша.

– А какой этаж? – спросила Женя.

– Шестой, – ответил Паша.

Мы шли по лестнице медленно, тщательно просвечивая каждый угол, хоть внутри и было достаточно светло. Но в подъезде никого не оказалось. Ни восставших, ни, тем более, людей. Через несколько минут мы поднялись на нужный этаж. Двери в шахту лифта здесь были приоткрыты, и за ними, где-то в темноте, пряталась смерть. Мы пошли дальше, и, наконец, оказались перед дверью, где сверху всё ещё висели почерневшие, когда-то жёлтые, цифры «74». Паша снял рюкзак и открыл маленький отсек, запустил туда руку. Послышался звон ключей, а через несколько секунд он их достал. Это были те самые его ключи. Его ключи, как я их запомнил. Даже брелок с санатория, где он с лучшим школьным другом, остался.

– Это ведь твои ключи, да? – удивлённо, спросил я.

– Да, – улыбнулся Паша. – Они у меня до сих пор остались.

– А я вот свои давно потерял, – удручённо ответил я.

Паша ничего не ответил и открыл дверь. Внутри стоял затхлый запах.

– Блин... – бросил Паша, и забежал внутрь. – Так и знал! Это из холодильника. Всё стухло... Тут вообще какая-то жесть внутри, – сказал он из кухни. Мы вошли внутрь, и я закрыл дверь. Сейчас мы все оказались в маленькой прихожей. Воспоминания огромной волной мигом нахлынули: отметки роста на двери в комнату, старое зеркало, цветочки на обоях, старый ковёр на полу...

«Сколько лет я здесь был, даже не замечая всей прелести обычной жизни. Но тот мир уже невозможно вернуть...»

Прошёл в свою комнату. Здесь всё осталось точно так же, как и было, когда я уходил отсюда год назад. Только, будто, всё стало вдруг меньше. Под окном всё так же стоял стол с компьютером, а слева была кровать. А перед ней шкаф. И дверца всё так же осталась открыта. Только появился огромный слой пыли.

Сейчас с зеркала на меня смотрел какой-то незнакомый человек. Его грязное строгое лицо было уставшим, а глаза выглядели так, будто хотели закрываться навсегда. От плаксивого мальчика не осталось и следа. Теперь, по сути, это был выжженный взрослый мужчина.

Невольно усмехнулся: всегда казалось, что буду единственным, кто никогда не повзрослеет, но это случилось даже раньше, чем стукнуло восемнадцать.

«Все так думают, но потом забывают как были детьми», – сказал Голос.

«А ведь мне уже семнадцать... Не знаю, когда именно, но уверен, что исполнилось».

Отошёл от зеркала и упал на кровать. За окном небо уже начало, потихоньку, темнеть. Глаза медленно закрылись, а разум укутал туман, который уносил меня прочь.

* * *

— Костя, спишь ещё? – кто-то тихо зашёл в комнату. На миг подумал, что это мама, но это оказался Паша. В окно уже бил утренний свет.

– Нет... Уже не сплю, – вчера даже не снял одежду. Уснул, как лёг, только закутался в покрывало. Паша сел на кровать.

– Сколько воспоминаний, да? – сказал он, оглядывая комнату.

– Да, всё-таки здесь прошло всё наше детство.

– Да... – вздохнул Паша. – Вспомнил тут ночью кое-что. И... не знаю, с чего начать.

– Начни с начала, – предложил я. Паша на секунду улыбнулся, но после его лицо снова стало серьёзным.

– Ты помнишь, как умер папа?

– Ну, – я постарался вспомнить, но ничего не вышло. В голове был лишь смутный образ взрослого мужчины, посреди площади и огня, рядом с кучей других безликих фигур. – Нет. Не особо.

– Так и думал. Вообще, эм... я даже, наверное, знаю, из-за чего это – вот вчера лежал и думал. И это неправильно. Тебе ведь так и не рассказали. Скажи, а у тебя тот голос появляется до сих пор?

«В смысле? Откуда он знает?»

– Ты о чём? – я постарался сделать максимально удивлённое лицо.

– Да... Ты, наверное, этого тоже не помнишь, но, когда наш отец умер... в общем, ты сильнее всего это переживал. Потому что был рядом. Тогда у тебя какое-то помешательство случилось... не знаю. Может я плохо помню – сам же маленький тогда был. Мама потом об этом не хотела говорить... Ай, зря я вообще начал этот разговор, – Паша встал с кровати, но я его остановил.

– Паша, если начал рассказывать – так закончи.

Он сел на прежнее место.

– Да что там рассказывать... с тобой потом что-то случилось. Ты закрылся в себе, и какое-то время даже не реагировал ни на что. И говорил постоянно с каким-то своим другом, хотя ты был один в комнате. Максим, вроде бы... Мама тогда очень волновалась, даже не спала по ночам – сидела у твоей комнаты. Мне было тогда так страшно и непонятно... Ладно... забей. Что было – то было. Если сейчас ничего нет – значит, врач тогда помог.

Теперь всё встало на свои места. Мгновенно я понял всё. И то, почему надо мной издевались, и то, почему мы с братом резко отдалились друг от друга в детстве. И почему возник этот голос в голове.

«Максим... надо же».

– Не, Паш, ничего такого не помню, – скрыл ложь за улыбкой. Паша поверил.

– Ну, раз ничего – значит, всё нормально. Просто вспомнил и подумал: вдруг у тебя от этого всего снова началось... Но, если что, я всегда рядом и готов помочь.

– Хорошо.

– Тогда собирайся. Скоро выезжаем дальше.

– Куда? – я вылез из своего «кокона».

– Дальше. Поедем искать людей. В твоей карте много разных интересностей. Если она не врёт – тогда хорошо. Поездим по другим базам. Не может же быть, чтобы нигде никто не остался, – Паша уже собирался выйти, но я его снова остановил.

– А если мы найдём там не то, что ищем? Вдруг, там будет не новый дом, а огромная ловушка?

– Тогда мы сделаем так, чтобы другие в неё не попались, – ответил Паша и вышел, закрыв за собой дверь.

Как позже оказалось, все ждали только меня. Я быстро перекусил половиной пачки печенья, и мы вышли в коридор, а затем на улицу. Возле машины был один восставший.

– Я возьму, – шепнул я, пригнулся и спустя несколько шагов быстрым движением воткнул нож ему в череп – мёртвое тело повалилось на землю.

– Надеюсь, его душа теперь упокоилась, – сказала Женя, остановившись на секунду, а затем с грустным лицом села в машину.

– Господи, упокой его душу, – проговорил Никита и перекрестился.

На миг остановился и посмотрел на свой подъезд:

«Теперь, конечно, это была жалкая тень того, что помнил, но всё равно... Больше это не было моим домом. И больше я сюда не вернусь», – от этой мысли стало грустно.

– Куда мы поедем сначала? – спросил я, когда все сели. Подал Паше карту.

– Хм, – задумчиво произнёс Паша. Он водил пальцем по листам. – Поедем в сторону Грима, а там видно будет.

Паша передал карту обратно – я положил её в бардачок. Двигатель завёлся, и через несколько минут мы уже ехали по опустевшим мёртвым артериям города туда, где нас могло ожидать что угодно. Но мы надеялись на чудо – ведь людям, чтобы идти дальше, только она и нужна.

День 555-557

— Сколько ещё идти? – спросил я, тяжело дыша. Из-за жары было практически невозможно идти. Паша шёл впереди, а за мной должны были идти Женя, Никита и Катрин. Ещё двое где-то остались позади. Я даже не помнил их имён.

«А знал ли я их когда-нибудь вообще?»

– Терпи, мы почти пришли, – донеслось спереди. По голосу – тоже измученный.

И без этого знал, что нужно идти вперёд, но иногда так хочется остановиться, а позже узнаёшь, что, оказывается, ты не дошёл всего несколько шагов – и в этот момент становится очень обидно.

В глаза летел раскалённый песок, голова жарилась на палящем солнце.

Не помню, сколько мы шли через эту чёртову пустыню. Кажется, что прошла уже тысяча лет. Периодически возникают тени-силуэты тех, кого рядом быть не может – миражи.

– Кто там сзади – вы в порядке? – крикнул я. Приходилось кричать – шум песка был слишком громким. Удивительно, как при нём ещё и солнце печёт, ведь песок закрывал его.

– Много ещё? – крикнула Женя, игнорируя мой вопрос.

– Почти пришли... – крикнул я в ответ.

Мы шли вперёд, пока совсем не стемнело. Казалось, будто песок проник сквозь кожу и прилип к костям, вызывая боль при каждом движении.

– Паша... я так больше не могу... – донеслось позади.

Буря резко успокоилась, стало совсем тихо. Только периодически кто-то вздыхал.

– Мы. Почти. Пришли, – упрямо повторял Паша. Он и сам еле передвигал ноги.

– Может, остановимся? Передохнём? – предложила Катрин.

Паша горько усмехнулся:

– Попробуй.

Я приостановился и, преодолевая боль в суставах, присел, дотронувшись до песка, который сразу же обжёг пальцы.

– Ай, – я резко убрал руку и машинально потряс ею в воздухе. На пальцах покраснела кожа.

– Убедились? – тяжело выдохнул Паша. – Идём. Уже почти пришли.

К утру на горизонте что-то замелькало. Что-то такое, что своими цветами резко вырывалось из грязно-жёлтого окружения. Паша тоже это заметил и остановился, стоя на гребне песчаной дюны. Впереди был оазис.

– Тоже это видишь? – спросил он меня. Его лицо было сплошь обожжено и покрыто маленькими красными точками.

– Фигово выглядишь, – сказал я.

– Не волнуйся. У тебя такое же лицо, – улыбнулся Паша, а затем повернулся в сторону спасительного мирка. – Так, ты тоже его видишь?

– Конечно.

– А остальные? – спросил он, не поворачивая голову, но повысив голос.

– Да, – ответил Женя за всех.

– Я же говорил... – Паша, издав сильный вздох, двинулся вниз по гребню, поднимая маленькие пыльные облака.

Я сделал то же. Долина была совсем близко, и это придало сил. Я чуть ли не бежал, позабыв обо всём. Внезапно сзади послышался истошный вопль, который сразу же оборвался. Мы обернулись и увидели, как в песке скрываются руки.

– Какого... – Паша бросился стремглав назад. Не хватало Жени. Никита и Катрин беспомощно озирались по сторонам, всё ещё не понимая, что произошло. Я сам не понял, но с

каждой секундой всё больше частей складывались в целостную мозаику: мы здесь не одни. Нужно было бежать.

– Нет... нет, нет... Нет! – кричал Паша, беспомощно пытаясь раскопать песок, который сразу же стекался обратно со всех сторон.

Я подбежал и попытался помочь. Руки сразу же обожгло, ещё больше оплавляя кожу.

– Что случилось? Где Женя?! – через несколько секунд уже не мог продолжать, потому что от боли не чувствовал руки. Паша всё продолжал.

– Оно... оно забрало её! – он всё грёб и грёб. Видел, как на его руках кожа просто слезит, оставляя опалённое мясо. – Костя, помоги...

По его лицу градом текли слёзы, которые, падая на горячее мясо его рук и песок вокруг, тут же превращались в маленькую паровую тучку, которая мигом растворялась в воздухе.

– Помоги! – взмолился он, повернувшись ко мне.

Посмотрел на него, не в силах что-либо сделать.

– Прости...

Подбежали остальные.

– Что произошло? – спросил Никита.

– Её больше нет, – тяжело сказал Паша. В его глазах стояли слёзы, а взгляд был пустой, безжизненный. – Нет...

– Мне очень жаль, – тихо сказал я.

Паша резко достал пистолет и приставил к своей голове.

– Я больше так не могу... – тяжело проговорил он.

– Нет, – бросился к брату, но тут всё оборвалось...

* * *

Резко сел в кровати, будто освободившись из петли. Было тяжело дышать, сердце бешено стучало, но постепенно всё успокоилось.

«Это всего лишь сон...»

В мутное окно, сквозь грязные пыльные занавески, пробивался утренний свет, на улице пели птицы. Поднял с пола часы – «9:31» – и упал обратно на кровать, укрывшись с головой.

Но когда ты просыпаешься – обратно дороги уже нет. Остаётся только встать и принять новый день во всеоружии. С коридора доносился возмущённый голос Катрин:

– Куда мы поедим?! Паша, да почему ты не успокоишься?

– Ох, боже милосердный!.. Да мне надоело тебе повторять. Как ты не поймёшь? Нам нужно туда доехать! Нужно! – он тоже не отставал в тональности и говорил громко. Чуть ли не кричал.

– Почему? Почему ты не успокоишься? – взвыла девушка. – Нам не надо туда ехать! Давай останемся здесь! Там ничего нет! А здесь – есть! Мы здесь есть, понимаешь?! А там – уже может и не быть!

– Да не можем мы здесь остаться! Нам надо ехать: только так мы и можем выжить! Там ещё могут быть люди, а здесь – ничего.

– Ты это Сергею с Наташей скажи! Найди их, среди тысяч этих мертвецов и скажи в лицо, что думаешь! – выпалила Катрин.

На секунду повисла тишина. Паша ничего не отвечал.

– Вот поэтому, – тихо начал он. Паша сейчас говорил негромко, но его голос брал железной хваткой сознание, заставляя слушать, – и нужно доехать. Чтобы больше никто не умер, не превратился в этих... тварей. По одиночке мы все передохнем, как мухи. Я помню, что они умерли. Помню, во что они превратились. Но это не повод, чтобы вечно сидеть и дрожать. Крохотная, но всё же у нас есть надежда на спасение – поэтому следует за неё хвататься всеми

руками силами, прилагать все силы... Иначе, какой смысл того, что мы выживем, ну, пускай год или два, вот так разъезжая по городам и растаскивая, что ещё осталось, всё то, что накопили в том мире, до нас? А ты думала о том, что когда-нибудь продукты окончательно испортятся? Да они даже быстрее банально кончатся. Ты ведь не забыла, что мы – не единственные люди в этом мире? Выжившие есть, их достаточно, а вот еды – недостаточно. Таким темпом одни мы не протянем – нам нужно объединиться. Тем более это нужно, чтобы возродить общество, иначе всё было и будет зря. И спор этот – зря. И жертвы наших друзей – зря. И жизни наших предков – зря. И вообще вся жизнь – зря!

– Да откуда ты знаешь, что там что-то будет?! – выпалила Катрин.

Дверь в комнату плавно открылась и внутрь вошла Женя, тихо притворив её за собой. Я уже оделся и просто слушал, сидя на убранном диване. Вставить хоть что-то было бессмысленно: пока кто-то из них не устанет – это будет продолжаться.

– Привет, Кость. Уже проснулся? – спросила Женя. Я кивнул в ответ.

– Чего это они с утра пораньше? – спросил я. Женя села рядом. На ней совсем не было лица. Обычно она старалась улыбаться, чтобы другим было легче, но, видимо, не сегодня.

– Да как обычно... Сколько времени прошло уже, как мы едем?.. И всё никак не приедем... Паша не уступит в этот раз – это он уже решил.

– Ну, это они всегда так, – сказал я. Женя кивнула. – А когда Паша решил? Мне он ничего не говорил.

Женя вздохнула, и посмотрела в потолок, вытянув и скрестив ноги перед собой.

– Да я и сама узнала только вчера вечером... Он почти всю ночь не спал, думал, а стоит ли вообще туда ехать... Кэт говорит, что он о нас не думает, а он постоянно думает... Мы же здесь не просто так задержались – всё это время он решал... А вчера решил, что пора решить окончательно.

– Решил? – я знал ответ, но не знал, что можно было спросить ещё.

– Как видишь, – ответила Женя.

– А что Никита говорит?

– Ты же знаешь: ему всё равно. Куда пастух – туда и стадо.

Перепалка в коридоре неожиданно прекратилась.

– А сам-то ты что думаешь? – спросила Женя.

– Не знаю, – я встал и подошёл к окну, отодвинув занавеску. По углам была сеть из тоненьких линий паутины. Несколько мух, безжизненно, но крепко связано, висели внутри. Где-то в глубине всех этих переплетений своего часа ожидал паук – словно охотник, который долго прячется, а затем нападает на беспечную жертву. – Куда поедем – туда поедем.

– Такое ощущение, будто вы с Никитой и не живые совсем.

Грустно улыбнулся.

– Внешне ещё живые, но внутри – уже нет, – как бы про себя проговорил я. – Давно умерли с кем-то близким...

– Глупости всё это. Живые вы. Просто накручиваете себя сильно. Наказываете за то, что не в силах исправить. Но, знаешь, что я тебе скажу? Никому от этого лучше не будет. Мы все потеряли слишком много, чтобы просто жить дальше, но это не повод, чтобы отдаваться течению. Нужно вести свою лодку: к берегу или горизонту – но вести самому.

За окном тихо покачивались налитые жизненным соком кленовые листья.

– Какой смысл? Мы все умрём когда-нибудь. Люди совершили столько ошибок... и на этот раз уже ничего не вернётся, – я несколько секунд молчал, а затем тихо повторил: – Ничего уже не вернуть. Ничего.

Женя резко встала.

– Дураки вы, – и пошла к двери.

– А ты что думаешь? – спросил я. Женя была уже у самой двери. Она остановилась, не поворачиваясь. – Не о жизни, а что Паша хочет. Насчёт этого «возрождения», и прочего.

– Я, конечно, боюсь, но Паша прав: нужно ехать. Нужно попытаться. Да, здесь мы проживём ещё какое-то время, потом можно переехать в другое место, а потом снова, и снова... а смысл? Смысл всего этого?..

– А если там ничего не будет? Вдруг это место – пустышка? И что мы зря ехали? – я всё так же смотрел в окно. Через дорогу медленно брёл восставший. Он слегка ударился о корпус стоящей машины и отскочил назад, а затем развернулся и пошёл в другую сторону, откуда пришёл. Вдалеке пробежали ещё двое: за кошкой, которая пыталась убежать со всех сил, но, прямо перед деревом, один из восставших прыгнул и зубами схватил её, а затем руками разорвал и оба принялись поедать мёртвое животное, раскидывая клочья шерсти в стороны.

– Тогда мы будем знать, что попытались, – Женя вышла из комнаты. – И что надеяться на это нельзя. Только на себя.

Постоял у окна ещё несколько минут, а затем тоже вышел из комнаты. Паша сидел на тумбочке у входной двери. Катрин уже не было. Он даже не замечал меня, пока я не заговорил:

– Когда поедим?

– Что? – он повернулся в мою сторону. – Доброе утро ... Поедим? Сейчас. То есть, через час где-то. Наверное.

– А машина готова? Всё нормально?

– Никита пошёл смотреть. Ой, да что с ней случится? Уже неделю стоит, – Паша выглядел озабоченным, и, казалось, едва меня замечал. Он встал и начал ходить взад-вперёд возле двери.

– А ты не боишься ехать? – вопрос сам слетел с моих губ. Паша резко встал.

– В смысле?

– Я имею в виду: ты уверен, что оно стоит того?

Паша ещё несколько секунд молчал, прежде чем ответить:

– Костя, хотя бы ты не начинай, – тихо сказал он. – Такое ощущение, будто все только и хотят закрыться в своём домике и не видеть мир, не замечать крики о помощи окружающих, жить самим по себе. А я так не могу. Не могу.

– А разве до этого было по-другому?

Паша устало прислонился к стене и медленно опустился на корточки.

– Костя, пожалуйста, хоть ты поверь. Я не могу всё это делать один – просто не смогу. Вдруг, там ещё остались люди и им нужна помощь? Или они нам смогут помочь? Нельзя такое упускать...

«Ты действительно ему веришь? Костя, ты же сам видел, что из себя представляют люди. Не совершай ошибку».

Катрин на секунду выглянула из-за угла, но сразу же скрылась обратно. Я подошёл к Паше и подал руку:

– Ладно, пойдём. День не бесконечный, а ночью ехать – самоубийство.

Лицо Паши медленно просияло улыбкой:

– Спасибо, – он взялся за руку и встал.

Когда мы вышли, на улице всюду светило солнце. С приходом весны мир преобразился, одевшись в лёгкое, красивое зелёное платье. Деревья тихо шелестели листьями, которые покачивались на ветру. Сквозь потрескавшийся асфальт и между стыками каменных плиток медленно, будто стесняясь, пробивались клочки травы. А на бескрайнем голубом небе повисли маленькие пятнышки облаков. И рядом с этим стояли дома, словно мёртвые туши давно погибших зверей, ожидая своей очереди, чтобы провалиться в небытие.

– Ну чё, как там? Нормально? – спросил Паша у Никиты, который стоял, у открытого капота машины.

Тот, в свою очередь, вытер руки грязной тряпкой и закрыл капот.

– Вроде нормально. Проверь, – тихо ответил он.

Паша прошёл в машину и сел, заводя машину. Женя о чём-то говорила с Катрин:

– ... я понимаю, да, но разве ты хочешь, чтобы всё стало зря? Их смерти, наших друзей?

– Дело не в том, хочу я или нет, – отвечала Катрин. – Я не хочу больше никого хоронить.

Я не хочу больше видеть, как умирают мои друзья. Я не хочу больше убивать их, чтобы они не стали монстрами.

– Поэтому мы и едем. Костя думает, там научная база или что-то вроде того.

– И?

– И то, – отвечала Женя. – Мало того, что там могут быть люди – у них может быть лекарство.

Катрин недоверчиво фыркнула.

– Женя, успокойся. Какое лекарство? Посмотри вокруг: разве мир остался бы таким, если бы оно было? Это бред. Все мы лишь ходячие мертвецы.

– Не говори так. Мы не знаем, что там...

– Вот именно, что не знаем. Мы едем на смерть. Запомните этот твит.

– Послушай, тебя никто не заставляет, – начала Женя. Она теряла терпение. Я узнал эту интонацию – тонкие нотки сдержанного гнева в голосе. – Если не хочешь – не надо ехать.

– Ай, что за грязный приём? Ты же знаешь, что не останусь, – ответила резко Катрин. – Делайте, что хотите. Только не говорите потом, что это было неожиданно... Женя, я, может, тоже хочу в это поверить, но не могу. Просто уже не могу верить в людей после всего.

Женя неожиданно приобняла Катрин. Она всегда легко переключалась со злости на доброту, если это было нужно.

– Не волнуйся. Мы всё переживём. Смотри, какие у нас мужчины – думаешь, с ними нам что-то грозит? – произнесла она с улыбкой, и они вместе скользнули по нам взглядом. На секунду наши взгляды с Катрин пересеклись, и я увидел в них глубокую грусть и боль.

По сути, за эти недели я так и не узнал о ней ничего, кроме того, что вспомнил о ней из школы. Даже странно как-то, что забыл её – ведь она мне в школе очень нравилась. Сейчас она всегда старалась быть как бы сама по себе, но при этом часто спорила с Пашей и была «на передовой» в вылазках за продуктами. Она и в школе была такая же: тихая, одинокая, как бы в стороне, но если взрывалась – это задевало всех. Я всегда думал, что мы могли бы подружиться. Ещё с того времени, когда она только перевелась к нам в школу в третьем классе. Но так и не смог решиться. А сейчас она, кажется, совсем рядом, но будто ничего не поменялось – Катрин всё так же далеко.

– Чего застыл? – спросила Женя, хлопнув меня по спине. – О чём задумался?

– Да так, – просто ответил я.

– Давайте в машину! – сказал Паша, и мы сели на заднее сидение.

Хорошо, что восставшие не успели появиться раньше. Только несколько фигур появилось позади, когда мы отъезжали, но это были не бегуны, и вскоре они совсем отстали.

Приходилось ехать медленно. Мы так и не доехали до Грима, но здесь, в небольшом городке, почему-то было много брошенных машин. Много где были следы от пуль и то тут, то там, лежали ссохшиеся, давно умершие, тела людей. Такое ощущение, будто здесь была резня. Никита сказал, что это могла быть и чистка – слишком аккуратно стреляли, но я в это не верил – просто не мог. Да и у кого могло быть столько боеприпасов? Только у военных. А они спасали людей.

«Не думай об этом. От этого ничего уже не изменится. Эти люди давно мертвы. Скорее всего, как и те, кто это сделал».

Прижался лбом к тёплому стеклу. С каждым днём всё больше чувствовалось, что приближалось лето. Было ещё не жарко, но уже не холодно – идеальная погода.

В голове пронеслись воспоминания, как мы ходили на праздник Огня раньше, когда был ещё совсем маленьким. Это было хорошее время. Мне казалось тогда, что нет ничего невозможного: разные трюки, костюмы, фестиваль, фейерверки... Только вот реальность не просто бывает пугающей, а она и есть самый страшный кошмар, однако так же и самый интересный феномен: никогда не знаешь, что будет завтра, или за следующим поворотом.

Это и произошло: мы свернули на дороге, а впереди, на шоссе, оказалось огромное стадо, и пока они ещё не успели нас заметить – развернулись и поехали в обход. Пришлось даже от нескольких бегунов отстреливаться – они успели прыгнуть и зацепиться за корпус машины, но никто не пострадал.

– Сколько в объезд ехать? – спросил я, убирая пистолет в рюкзак. Сидел у окна, и поэтому отстреливался. Как и Никита с другого бока. – Хватит бензина?

– Насчёт бензина – пока в порядке. А вот сколько ехать... Женя, посмотри по карте. Тридцать пятое шоссе, к отметке НБ, возле Ширковки, – быстро ответил он, пристально следя за дорогой.

Девушка достала из бардачка полностью переклеенную скотчем карту и небрежно развернула, пытаясь на ходу сориентироваться.

– Так, смотри... – она провела по жёлтой линии на карте, которая была похожа на вену, – вроде как мы здесь сейчас и едем.

– Да, – подтвердил Паша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.